

Н. П. Генералова

**«НЕИЗВЕСТНЫЙ» ОТВЕТ ТУРГЕНЕВА
ЧЕРНЫШЕВСКОМУ
(О втором эпилоге романа «Рудин»)**

В финале объемной и содержательной статьи «Творческая история романа „Рудин“» известный в свое время тургеневед М. О. Габель писала по поводу рецензии Н. Г. Чернышевского на русский перевод книги Натаниэля Готорна: «Статья о Готорне объявила войну Тургеневу. Вполне понятно, что Тургенев почувствовал себя оскорбленным и принял окончательное решение разорвать с „Современником“». ¹ Какое же оскорбление содержалось в статье Чернышевского, отчего Тургенев решил окончательно порвать с журналом, с которым его связывало более десяти лет сотрудничества?

Обратимся к указанной статье Чернышевского, напечатанной в июньской книжке «Современника» за 1860 год. Скажем сразу, что в действительности дело обстояло несколько иначе, хотя решение расстаться с журналом на самом деле было принято Тургеневым и одной из причин этого решения им была названа упомянутая статья Чернышевского, которую ближайший друг писателя П. В. Анненков в разговоре с И. И. Панаевым охарактеризовал как «мерзость». ² Однако в данном случае очень важно проследить хронологию событий, именно она приведет нас к пересмотру некоторых устоявшихся представлений об истории разрыва Тургенева с «Современником».

¹ ЛН. Т. 76. С. 63.

² Анненков. Письма. Кн. 1. С. 87. Письмо от 20 октября (1 ноября) 1860 г.

Итак, шестой номер «Современника» за 1860 год с рецензией Чернышевского на книгу Готорна вышел в свет 18 (30) июня,³ а письмо к Анненкову, в котором Тургенев впервые заговорил о ней как о непосредственной причине отказа от сотрудничества в журнале, было написано более трех месяцев спустя, 30 сентября (12 октября). Почему Тургенев так долго не отвечал на нанесенное оскорбление и лишь в этом письме попросил Анненкова передать Панаеву (а фактически всей редакции «Современника») письмо, удостоверяющее прекращение его отношений с журналом?⁴

Вот что писал Тургенев: «Сообщите прилагаемую записку Ив<ану> Ив<ановичу> Панаеву. Если бы он хотел узнать настоящую причину моего нежелания быть более сотрудником „Современника“ — попросите его прочесть в июньской книжке нынешнего года, в „Современном обозрении“, с. 240, 3-я строка сверху, пассаж, где г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно из Рудина сделал карикатуру, для того, чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не приходится порядочному человеку».⁵ Печатаемая это письмо Тургенева много лет спустя, Анненков воспроизвел

³ *Боград В.* Журнал «Современник»: 1847–1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 380.

⁴ Маловероятно, что писатель прочитал июньскую книжку лишь в сентябре, поскольку за этот период он неоднократно имел возможность ознакомиться с выходящими номерами «Современника», не говоря о том, что кто-то из корреспондентов должен был обратить внимание Тургенева на выпад по его адресу.

⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 244. Спустя полтора месяца, 12 (24) ноября, поздравляя Е. Я. Колбасина с поступлением на службу, Тургенев не без иронии отметит среди выгод службы в Новгороде и то, что она прерывает его связь с «Современником», который все более «усовершенствуется». В качестве наглядного примера этого «усовершенствования» писатель приводит статью Чернышевского о Готорне: «В одном №-е он намекает прямо на то, что если я представил *Рудина* с критической точки зрения, так это потому, что мне за это заплатили — или что-то подобное. <...> Тут важно не то, что меня ругают, — а то, с какою легкостью себе позволяют сознательные клеветы» (Там же. С. 264). В примечаниях к письму (автор Е. И. Кийко) утверждается, что в названной статье Чернышевского «не содержалось никакого намека на якобы материальную заинтересованность автора романа в изображении Рудина с „критической точки зрения“, как несправедливо пишет Тургенев» (Там же. С. 598, примеч. 5). Кажется, в данном случае речь не может идти о «несправедливости», поскольку Тургенев хотел подчеркнуть, что ставить его авторскую честь в зависимость от «богатых друзей» могло означать что угодно («или что-то подобное»), но прежде всего желание оклеветать, оскорбить его.

также упомянутое письмо к Панаеву, которое так и осталось в его бумагах, не будучи переданным по назначению.⁶ Воспроизведем его полностью, обратив внимание на то, что в нем Тургенев не называет повода для своего окончательного решения, а просит Анненкова передать его

⁶ Правда, при публикации (в мемуарном очерке «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым»: *ВЕ*. 1885. № 3. С. 5–41; № 4. С. 465–505) он никак не пояснил несовпадение в датах двух писем: письмо к Анненкову датировано в публикации 12 октября н. ст. 1860 г. (что даже внешне выглядит маловероятно, поскольку обычно Тургенев, указывая дату заграничного письма, не обозначал новый стиль, это разумелось само собой), а упомянутое «прилагаемое» письмо к Панаеву датировано 1 (13) октября, хотя логичнее было бы предположить, что сначала было написано письмо к Панаеву. Эта несуразица отразилась, например, на том, что в *ПССиП(2)* письмо к Панаеву, вложенное в письмо к Анненкову, оказалось отделенным от него запиской к М. А. Маркович, условно датируемой сентябрем 1860 г. Скорее всего, готовя письма Тургенева к печати, Анненков где-то ошибся в дате. Причину же невыполнения поручения Тургенева он объяснил в письме от 20 октября (1 ноября) 1860 г.: «Письмо Ваше к Панаеву я не отдавал, потому что оно бесполезно: „Современник“ и без того выставил в объявлении два только имени — Добролюбова и Чернышевского как своих сотрудников, презрительно умалчивая о всех других, но о мерзости, ими допущенной, я сообщил лично Панаеву» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 87). В комментарии к этому письму вкралась неточность: здесь говорится, что в объявлении упоминается имя Тургенева (Там же. С. 367, примеч. 1), однако оно написано в тот же день, когда вышла в свет октябрьская книжка «Современника» (очевидно, по получении ее), где за подписью Панаева и Некрасова была напечатана ранняя редакция объявления «Об издании „Современника“ в 1861 году», и в ней действительно были названы только Добролюбов и Чернышевский. Имя Тургенева, как, впрочем, и других авторов, здесь названо не было. Часть объявления, в котором сообщалось, что «обещали свои повести» Тургенев, Потехин, Печерский и др., была прибавлена позже, в декабрьской книжке. Отметим, что в Полном собрании сочинений Некрасова помещен лишь окончательный вариант объявления, в комментариях же указано, что ранее объявление было напечатано в сокращенном виде (*Некрасов*. Т. 13. Кн. 1. С. 171–172). Впоследствии, объясняя свой поступок, Анненков признал, что совершил ошибку: «Письмо осталось в моих бумагах. Я не отослал его по адресу из одного соображения: при разгоравшейся ссоре не следовало подкладывать еще дров и раздувать пламя. Но я ошибся. Редакция „Современника“ решилась довести дело до конца. В объявлении о подписке и в особой статье (Речь идет об объявлении «Об издании „Современника“ в 1862 году» (см.: *Некрасов*. Т. 13. Кн. 1. С. 173–174) и о статье Чернышевского «Полемические красоты» (*Совр.* 1861. № 6). — *Н. Г.*) она сообщала подписчикам своим, что принуждена была отказаться от участия и содействия автора „Записок охотника“ по разности взглядов и убеждений и уволить его от сотрудничества в журнале» (*Анненков (1983)*. С. 430). В ответ на эти заявления Тургенев вынужден был протестовать публично (см. его письмо к издателю «Северной пчелы» от 10 (22) декабря 1862 г.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 5. С. 134). Однако это завершение конфликта было скорее формальным.

изустно. При этом письмо далеко не выглядит ультиматумом, а окончание его и вовсе не предполагает разрыва личных отношений с адресатом (они, как увидим далее, действительно не прекратились).

Любезный Иван Иванович. Хотя, сколько я помню, вы уже перестали объявлять в «Современнике» о своих сотрудниках и хотя, по вашим отзывам обо мне, я должен предполагать, что я вам более не нужен, однако, для верности, прошу тебя не помещать моего имени в числе ваших сотрудников, тем более что у меня ничего готового нет и что большая вещь, за которую я только что принялся теперь и которую не окончу раньше будущего мая, уже назначена в «Русский вестник».

Я, как ты знаешь, поселился в Париже на зиму. Надеюсь, что ты здоров и весел, и жму тебе руку. Преданный тебе Ив. Тургенев.⁷

«Большая вещь», предназначенная в «Русский вестник», — роман «Отцы и дети», к работе над которым Тургенев действительно приступил в это время.

1860-й год с самого начала выдался на редкость напряженным в жизни Тургенева. Находясь в расцвете творческих сил и на вершине славы, автор «Дворянского гнезда» воспринимается как писатель первой величины, его поддержкой стремятся заручиться не только популярные журналы («Русский вестник», «Современник»), но и образующиеся новые периодические издания («Русская речь», «Век», «Московский вестник» и др.). Довольно много времени отнимает общественная жизнь: работа в недавно образованном Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), одним из деятельных орга-

⁷ ПССИП(2). Письма. Т. 4. С. 245. Здесь вместо «мне» ошибочно напечатано: «меня». Следует отметить еще одну странность этого письма: говоря о том, чтобы «Современник» не называл его имени среди своих сотрудников, Тургенев имел в виду Объявления на следующий, 1861 год, которые, как правило, начинали печататься с октябрьской книжки. Но, как сказано выше, октябрьская книжка вышла уже после приведенного письма к Панаеву, а значит Тургенев не мог ее прочитать, в объявлении же на 1860 г. имя Тургенева было упомянуто (см.: Некрасов. Т. 13. Кн. 1. С. 166, а также с. 444). Не мог он прочитать объявление и в первой его публикации в «Московских ведомостях» (1860. 6 октября. № 215). По поводу этого объявления Некрасов писал И. А. Панаеву 11 октября ст. ст. 1860 г.: «Потрудись отослать экземпляр *нового* объявления в Москву, чтоб в „М<осковских> вед<омостях>“ вставили находящиеся там (т. е. в объявлении) прибавления» (Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 141–142). В том же сокращенном виде объявление было напечатано в № 215 и 243 «Санкт-Петербургских ведомостей». Остается предположить, что кто-то из сотрудников «Современника» сообщил Тургеневу о том, что в подготовленном объявлении на 1861 г. имя его не было упомянуто, или, как уже говорилось, Анненков ошибся в датировке писем Тургенева к нему и к И. И. Панаеву.

низаторов и участников которого стал писатель, публичные чтения, выход в свет одного за другим ключевых произведений — статьи «Гамлет и Дон-Кихот», романа «Накануне», написание повести «Первая любовь» и бурное обсуждение каждого сочинения как в прессе, так и в кругу литераторов, в особенности романа «Накануне». Тургенев — желанный гость литературных и светских салонов, вокруг него немало женщин, с которыми он охотно поддерживает дружеские, подчас более чем дружеские отношения (гр. Е. Е. Ламберт, В. Я. Карташевская, М. А. Маркович и др.). Но этот успех имеет и обратную сторону: кому-то он кажется не вполне заслуженным, у кого-то возбуждает неоднозначные чувства. Не случайно, именно в этот период с новой силой вспыхивает казалась бы утихший конфликт с И. А. Гончаровым, завершившийся, как известно, «третейским судом».⁸ Можно только догады-

⁸ Напомним, что по выходе в свет «Дворянского гнезда» (РВ. 1859. № 1) Гончаров заметил в некоторых местах романа сходство с тем, что было у него в программе романа «Обрыв» (первоначальное заглавие «Художник»), с планом которого он ранее познакомил Тургенева. У писателя родилось подозрение, что Тургенев заимствовал у него эти места, о чем он и объявил автору. Вот как излагал суть не дошедшего до нас ответного письма Тургенева и возникшего конфликта А. В. Никитенко, ставший его непосредственным участником: «...Тургенев отвечал <...> письмом, что он, конечно, не думал заимствовать у него что-нибудь умышленно; но как некоторые подробности сделали на него глубокое впечатление, то немудрено, что они могли у него повториться бессознательно в его повести. Это добродушное признание сделалось поводом большой истории. В подозрительном, жестком, себялюбивом и вместе лукавом характере Гончарова закрепилась мысль, что Тургенев с намерением заимствовал у него чуть не все или по крайней мере главное, что он обокрал его. Об этом он с горечью говорил некоторым литераторам, также мне» (Никитенко. Т. 2. С. 114–115). Стремясь сгладить конфликт, Тургенев совершил, вероятно, ошибку, сняв один из эпизодов романа (сцену в гл. XXXVIII, где содержался намек на «падение» Лизы, так напомнивший Гончарову сцену объяснения героини «Обрыва» Веры с бабушкой, см.: ПССуП(2). Соч. Т. 6. С. 382–383, коммент. Т. П. Головановой). Этот примиряющий жест лишь укрепил Гончарова в его подозрениях, о чем он не преминул напомнить в письме от 27 марта (8 апреля) 1860 г.: «Вы тогда отчасти согласились в сходстве общего плана и отношений некоторых лиц между собой, даже исключили одно место, слишком живо напоминавшее одну сцену, и я удовольствовался» (Гончаров и Т. С. 38). Появление год спустя романа «Накануне» вновь вернуло Гончарова к навязчивой идее плагиата все из того же еще не вышедшего в свет романа «Обрыв». В результате 29 марта (10 апреля) 1860 г. на квартире Гончарова состоялся так называемый «третейский суд» (в качестве «судей» выступали П. В. Анненков, А. В. Дружинин, А. В. Никитенко и С. С. Дудышкин), описанный тем же Никитенко в «Дневнике»: «Сегодня в час пополудни и происходило это знаменитое объяснение. Тургенев был видимо взволнован, однако

ваться, какое тяжелое впечатление эта некрасивая история должна была произвести на Тургенева.

Настоящим потрясением стал, конечно, конфликт с Некрасовым и «Современником», в мартовском номере которого была, вопреки настойчивой просьбе автора «Накануне», напечатана известная статья Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»⁹ хотя и под

весьма ясно, просто и без малейших порывов гнева, хотя не без прискорбля, изложил весь ход дела, на что Гончаров отвечал как-то смутно и неудовлетворительно. Приводимые им места сходства в повести „Накануне“ и в своей программе мало убеждали в его пользу, так что победа явно склонилась на сторону Тургенева, и оказалось, что Гончаров был увлечен, как он сам выразился, своим мнительным характером и преувеличил вещи. Затем Тургенев объявил, что всякие дружественные отношения между им и г. Гончаровым отныне прекращены, и удалился». Подводя итог, Никитенко писал: «Вообще надобно признаться, что мой друг Иван Александрович в этой истории играл роль не очень завидную; он показал себя каким-то раздражительным, крайне необстоятельным и грубым человеком, тогда как Тургенев вообще, особенно во время этого объяснения, без сомнения для него тягостного, вел себя с большим достоинством, тактом, изяществом и какой-то особенной грацией, свойственной людям порядочным высоко образованного общества» (*Никитенко*. Т. 2. С. 115–116). Более подробно передал состояние Тургенева еще один участник события П. В. Анненков: «После изложения дела, обмена добавлений сторонами замечания экспертов все сводилось к одному знаменателю. Произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны. И. А. Гончаров, казалось, остался доволен этим решением экспертов. Не то, однако же, случилось с Тургеневым. Лицо его покрылось болезненной бледностью; он пересел на кресло и дрожащим от волнения голосом произнес следующее. Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. „Дело наше с вами, Иван Александрович, теперь кончено; но я позволю себе прибавить к нему одно последнее слово. Дружеские наши отношения с этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта, и, вероятно, еще не раз мне придется восхищаться им вместе с другими, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня“. И, кивнув всем головой, он вышел из комнаты. Заседание наше тем самым было прекращено» (*Анненков (1983)*. С. 433).

⁹ Прочитав эту статью, цензор В. Н. Бекетов 19 февраля ст. ст. 1860 г. написал Добролюбову следующее: «Критика такая, каких давно никто не писал, и напоминает Белинского. / И пропустить ее в том виде, как она составлена, решительно нет никакой *никому* возможности. / Напечатать так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да

другим, более нейтральным заглавием и в значительно смягченном виде. Это событие принято считать центральным в истории разрыва Тургенева с «Современником».

Наконец, ссылаясь на плохое состояние здоровья, которое действительно стало подводить писателя, он чуть ли не сбегает на воды в Германию и, после почти месячного пребывания в Париже, в конце мая по старому

не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному» (Заветы. 1913. № 2. С. 96). Статью передал Тургеневу для ознакомления сам Бекетов. Прочитав ее, Тургенев написал Некрасову: «Убедительно тебя прошу, милый Некрасов, не печатать этой статьи: она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается. — Пожалуйста, уважь мою просьбу. — Я зайду к тебе» (ЛССиП(2). Письма. Т. 4. С. 163). Очевидно, Некрасову удалось уговорить цензора Бекетова пропустить статью Добролюбова в сокращенном виде, но последний сам отказался печатать ее. Следует отметить, что ранее при рассмотрении вопроса о статье Добролюбова привлеклась записка Некрасова к Н. Г. Чернышевскому, ошибочно датированная 19 февраля ст. ст. 1860 г.: «Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу. Вы получите ее от него часу в 9-м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что-нибудь в конце. Ваш Н. Некрасов. / Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор — завтра мы к нему отправимся» (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1952. Т. 10. С. 413). Однако после статьи И. А. Костомаровой, сопоставившей записку Некрасова к Чернышевскому с его же запиской к цензору Бекетову от 29 марта ст. ст. 1856 г. и убедительно доказавшей, что записка имеет отношение к другой статье, а именно к четвертой части статьи «Очерки гоголевского периода» Чернышевского, редакция последнего Полного собрания сочинений Н. А. Некрасова передатировала эту записку 28 марта ст. ст. 1856 г. (см.: Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 12). «Из содержания записки ясно, что в ней речь идет о статье Чернышевского, препятствия к публикации которой Некрасов принимает очень близко к сердцу. Поэтому допустима мысль, что он как редактор в ней „вымарал много“, лишь бы она прошла через препоны цензуры. На место становится и его просьба к Чернышевскому: „Припишите что-нибудь в конце“. / Упоминание имени Тургенева в данном случае также вполне закономерно. / Известно, что середина 50-х годов — это период наибольшей близости Тургенева к Некрасову и „Современнику“. До отъезда за границу он принимал самое активное и непосредственное участие в издании „Современника“. Некрасов настолько высоко ценил роль Тургенева как сотрудника журнала, что предполагал оставить его в качестве редактора на период своего пребывания за границей. Мнениями и оценками Тургенева в отношении публикуемых в журнале материалов Некрасов очень дорожил. Поэтому не исключено, что статью Чернышевского он передал Тургеневу, который в ней мог быть особенно заинтересован: ведь в ней речь шла о Белинском, память о котором и имя которого были писателю всегда очень дороги» (Костомарова И. А. К вопросу о датировке записки Н. А. Некрасова Н. Г. Чернышевскому // Филологические науки. 1971. № 6. С. 30).

стилю оказывается в небольшом захолустном городке Соден в прусской провинции Гессен-Нассау. О том, насколько предшествующие события сказались на состоянии здоровья Тургенева, свидетельствует записка к Е. Я. Колбасину от 2 (14) апреля 1860 года: приглашая его на обед, писатель просит «не мешкать», поясняя, что у него «опять пошли холерические припадки <— —> и, пожалуй, я наконец окачурюсь».¹⁰

Однако не все события внешней и внутренней жизни Тургенева лежат на поверхности. Исследователи почти не уделили внимания одному важному моменту его творческой биографии — подготовке и выходу в свет в 1860 году четырехтомного собрания его сочинений в издании Н. А. Основского, в сущности первого и наиболее полного, если не считать трехтомного издания «Повестей и рассказов», опубликованного в 1856 году. Три тома из четырех вышли в октябре — декабре ст. ст. 1860 года, причем сначала появились первый и четвертый, в конце года вышел третий, и лишь второй том — в начале марта ст. ст. 1861 года (цензурное разрешение 28 февраля 1861 г.). Нас интересует четвертый том, который составили романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне». Цензурное разрешение на него, как и на два других тома, было подписано 30 сентября (12 октября) цензором Н. П. Гиляровым-Платоновым.¹¹ Том этот вышел из печати во второй половине октября 1860 года, о чем свидетельствует письмо издателя Основского к Тургеневу от 21 октября (2 ноября), где сообщалось о получении поправок к комедиям: «„Записки охотника“ (1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: „Поездка в Полесье“ и „О соловьях“». 4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня. Остается напечатать 3-й и 2-й томы, которые к 1-му декабря будут окончены».¹²

Именно в этом издании «Рудин» был по существу определен как роман, а не повесть, будучи помещен вместе с «Дворянским гнездом» и «Накануне», хотя и сам Тургенев, и большая часть критики называли

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 179.

¹¹ Высокобразованный и талантливый философ, публицист и издатель Н. П. Гиляров-Платонов (1824–1887) служил в Московском цензурном комитете с 1856 г. и, конечно, рисковал, пропуская дописанный Тургеневым «революционный» эпилог романа «Рудин», напечатанный впервые в этом издании. Вскоре, в августе 1862 г., он был уволен из комитета за «цензурные провинности», одной из которых мог быть в том числе четвертый том собрания Сочинений Тургенева в издании Основского.

¹² ИРЛИ. Ф. 7. № 149. Л. 5–5 об. Упомянутые в письме комедии относились к планировавшемуся пятому тому издания, но в свет этот том не вышел.

эти произведения до поры до времени повестями. Есть еще одна отличительная черта этого тома, представляющая особую ценность: здесь «Рудин» появился в окончательной редакции, с дописанным новым эпилогом, где главное лицо романа героически погибает на парижских баррикадах 1848 года. В сущности, это было основным новшеством всего издания, и Тургенев беспокоился, удастся ли дописанному эпилогу благополучно миновать цензуру. Возможно, из желания как можно скорее провести роман в новой редакции сквозь цензурные препоны писатель решил нарушить порядок выхода томов, пропустив четвертый том перед вторым и третьим.

Прежде чем вернуться к хронологии событий, следует сказать несколько слов о новом эпилоге, который был многими расценен, возможно не вполне правомерно, как апофеоза Рудину. В целом это, без сомнения, так, хотя нельзя не обратить внимания на то, что в изображении гибели героя присутствует значительная доля иронии. Прежде всего, сама его смерть, «когда уже восстание „национальных мастерских“ было почти подавлено», а оставшиеся в живых защитники баррикады в Сент-Антуанском предместье «ее покидали и только думали о собственном спасении»,¹³ является бессмысленной. В заключительный момент сражения на самой вершине баррикады появился «высокий человек в старом сюртуке, подпоясанном красным шарфом, и соломенной шляпе на седых, растрепанных волосах. В одной руке он держал красное знамя, в другой — кривую и тупую саблю, и кричал что-то напряженным, тонким голосом, карабкаясь кверху и помахивая и знаменем, и саблей. Венсенский стрелок прицелился в него — выстрелил... Высокий человек выронил знамя — и, как мешок, повалился лицом вниз, точно в ноги кому-то поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце».¹⁴ Иронически звучат и комментарии инсургентов: «Tiens! (Смотри-ка! — *франц.*) — сказал один из убежавших *insurgés* (повстанцев — *франц.*) другому, — *on vient de tuer le Polonais. — Vigre!* (поляка убили. — Черт возьми! — *франц.*) — ответил тот, и оба бросились в подвал дома, у которого все ставни были закрыты и стены пестрели следами пуль и ядер. / Этот „Polonais“ был — Дмитрий Рудин».¹⁵ И все же, несмотря на иронию, на комическую сторону героя («соломенная шляпа на седых, растрепанных волосах», «кривая и тупая сабля», «карабкаясь кверху», «как мешок, повалился лицом вниз»), читатель не мог не сочувствовать этой

¹³ ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 322.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

нелепой смерти за чужую свободу человека, даже имя которого осталось неизвестным сражавшимся. В их памяти он остался «поляком».

По вовсе не странному совпадению прототип Рудина — Михаил Бакунин,¹⁶ в момент написания эпилога к роману находившийся в сибирской ссылке на вечном поселении, но вскоре бежавший в Европу, в недалеком времени действительно окажется в рядах сражающихся поляков, приняв участие в так называемой «экспедиции Лапинского», завершившейся, как известно, полным провалом.¹⁷ Напомним, что писал ему

¹⁶ Этот факт не подлежит сомнению благодаря собственным признаниям писателя, который, например, в письме к М. А. Маркович от 16 (28) сентября 1862 г. прямо писал: «Что за человек Бакунин, спрашиваете Вы? Я в Рудине представил довольно верный его портрет: теперь это Рудин, *не* убитый на баррикаде. Между нами: это — развалина. Будет еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славян — но из этого ничего не выйдет. Жаль его: — тяжелая ноша — жизнь устарелого и выдохшегося агитатора» (*ИССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 108). В то же время образ Рудина вобрал в себя типические черты многих представителей его поколения, и Тургенев был доволен, что С. Т. Аксаков не искал в герое «копии с какого-нибудь известного лица... Уж коли с кого списывать, так с себя начинать» (см. письмо к С. Т. Аксакову от 27 февраля (10 марта) 1856 г.: Там же. Т. 3. С. 83). 18 февраля (1 марта) 1856 г. С. Т. Аксаков писал: «Я не хочу знать, чистый ли вымысел характер Рудина, или нет. Я принимаю его как тип таких людей. Я вижу гораздо более внешнего сходства с известным лицом, чем нравственного, и вас обвиняют за это внешнее сходство. <...> я даже видал на моем веку людей, подобных Рудину, и слышал приговоры о них именно таких же нравственных людей, как Лежнев. Вообще повесть возбуждает много немелких вопросов и раскрывает глубокие тайны духовной природы человека, а всего более ту запутанную и, по-видимому, необъяснимую совместимость противоположных качеств» (Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу / С введ. и примеч. Л. Майкова // *Русское обозрение*. 1894. № 12. С. 580. Отд. оттиск: М., 1894. С. 131). Наиболее полно вопрос о Бакунине как прототипе Рудина освещен в работе Н. Л. Бродского «Бакунин и Рудин» (Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 136–169).

¹⁷ В феврале 1863 г. Бакунин оказался в Швеции, надеясь оттуда перебраться в Финляндию и связаться с организацией «Земля и воля», а затем поднять крестьянское восстание в Польше и Литве. В Литву направлялась на корабле из Англии и повстанческая польская группа под командованием полковника Ф. Лапинского (1826–1886), везя на подмогу сражавшимся полякам оружие и людей. К этой экспедиции присоединился Бакунин, однако в Копенгагене команда парохода во главе с капитаном отказалась принимать участие в походе и покинула судно, пришлось нанять другую. Достигнув порта Мальмё в Швеции, пароход был задержан и интернирован в Россию. Наняв парусное судно, Лапинский попытался еще раз прорваться в Литву, что ему не удалось. С остатками своей группы он вернулся в Англию. Поначалу воспринявший полковника с энтузиазмом, Бакунин вскоре разочаровался в нем: «Лапинский храбрый, ловкий, смысленный, но бессовестный или, по крайней

Герцен по этому поводу: «Я вообще полагаю, что ты хорошо бы сделал, если б в *самом деле* не мешался в внутренние дела поляков — мы союзники en gros (в главных чертах — *франц.*)».¹⁸ Еще более жестко высказался Герцен в письме от 20 августа (1 сентября) 1863 года: «Оторванный жизнью, брошенный с молодых лет в немецкий идеализм, из которого время сделало *dem Scheine nach* (по видимости — *нем.*) реалистическое воззрение, не зная России ни до тюрьмы, ни после Сибири, но полный широких и страстных влечений к благородной деятельности, ты прожил до 50 лет в мире призраков, студентской распашки, великих стремлений и мелких недостатков. <...> После десятилетнего заключения ты явился тем же — теоретиком <...>, болтуном, <...> не скрупулезным в финансах, с долей тихенького, но упорного эпикуреизма и с чесоткой революционной деятельности <...>». Упрекая Бакунина в неосторожности, в умении подводить соратников («Болтовней ты погубил не одного

мере, широкосовестный кондотиер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный по ремеслу ненавидящий и презирающий всякий, даже свой собственный народ» (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 118. Письмо от 31 марта — 9 апреля н. ст. 1863 г.). Не один Бакунин был очарован Лапинским. 12 сентября н. ст. 1863 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, — полковник *Лапинский*. Это безусловно самый умный поляк — и притом *homme d'action* (человек действия — *франц.*), — из всех, кого мне до сих пор довелось узнать. Симпатии его целиком на стороне немцев, хотя по своим манерам и языку он француз. Вместо национальной борьбы он признает лишь борьбу расовую. Он ненавидит всех сынов востока, причисляя к ним с одинаковой готовностью русских, турок, греков, армян и т. д.» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 30. С. 305). В том же письме Маркс весьма презрительно отозвался о Бакунине: «Бакунин стал похож на чудовище — огромная гора мяса и жира; передвигаться он может лишь с трудом. Помимо того, бешено ревнует свою семнадцатилетнюю польку, которая вышла за него замуж в Сибири из-за его мученичества. Сейчас он в Швеции, где делает „революцию“ вместе с финнами» (Там же. С. 306). Жизнь Лапинского, по определению В. В. Тренина, «дает богатый материал для авантюрного романа» (*Тренин В.* Полковник Лапинский и его мемуары // *ЛН*. Т. 41–42. С. 540). Участник венгерской революции, в 1849 г. он сражался против русской армии в рядах «красных республиканцев», во время Крымской войны под именем Тевфик-бея воевал против России на стороне турок, в конце 1850-х гг. принял участие в экспедиции А. Чарторыжского (при содействии английского и турецкого правительств) против России на Кавказе (см.: *Герцен*. Т. 11. С. 722). Герцен посвятил экспедиции Лапинского 1863 г. в «Былом и думах» отдельную главу («Пароход „Ward Jackson“ R. Weatherley & Co»: Там же. С. 378–390), тесно связанную с главой, посвященной Бакунину («М. Бакунин и польское дело»: Там же. С. 353–377).

¹⁸ Там же. Т. 27. Кн. 1. С. 311. Письмо от 9 (21) апреля 1863 г.

Налбандова»), Герцен выдвигает не менее серьезные обвинения, прямо говоря, что упорное стремление к союзу с поляками сыграло роковую роль в истории русского революционного движения: «...польский союз <...> был невозможен, они поступали с нами неоткровенно — результат тот, что ты чуть не потонул в нем, а мы сели на мель».¹⁹ Правда, не все обвинения Герцена звучали вполне убедительно. Нельзя не признать, что и до появления в конце декабря 1861 года, после многих лет заключения и ссылки, Бакунина в кругу Герцена связи «лондонских пропагандистов» с польскими революционерами были многочисленны и далеки от простого приятельства. И Герцен, и Огарев если не полностью рассчитывали разжечь костер русской революции посредством польского восстания, то во всяком случае надеялись на это. После подавления восстания ситуация резко изменилась, и Герцен вынужден был признать, что «польское дело было устроено плохо с нашей стороны, что оно не *наше дело* — хотя и правое относительно».²⁰ Возвратимся, однако, к нашей хронологии событий.

Итак, 18 (30) июня 1860 года выходит в свет шестой номер «Современника», в котором напечатана рецензия Н. Г. Чернышевского на русский перевод сборника рассказов Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии».²¹ Истинную причину обращения к «плохой» книге Готорна, которого критик упрекал в избыточной художественности (это слово превратилось у Чернышевского почти в ругательное, аналогичное «пустословию», «болтовне», «фальши») и искажении

¹⁹ Герцен. Т. 27. Кн. 1. С. 371. Это письмо было вызвано жалобой Бакунина на сына Герцена Александра, который, с февраля 1863 г. состоя в организации «Земля и воля», повел себя с Бакуниным высокомерно и не стал содействовать установлению его связей с молодыми революционерами.

²⁰ Там же. С. 372.

²¹ Два года ранее французский перевод этой книги отрецензировал Н. А. Добролюбов в «Журнале для воспитания» (1858. Т. 4. № 12. Отд. IV). Несмотря на то, что критик высказался отрицательно о пользе для детей изучения греческой мифологии, отдавая предпочтение книгам «реального направления», он все же писал: «...если уж мы допустим пользу сказочного чтения для детей, то между сказками не много можно найти таких живых и увлекательных вещей, как рассказы Готорна» (см.: Добролюбов. Т. 3. С. 481). Очевидно, именно Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевского имел в виду Тургенев, когда в Предисловии к изданию сказок Ш. Перро в России (в этом издании он выступил и как переводчик) иронически упоминал о «положительных и просвещенных» людях, «которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьезным — и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты» (ПССуП(2). Соч. Т. 10. С. 344).

греческих мифов,²² он и не думал скрывать: «...нам вздумалось произвести вивисекцию этой книжки на пользу и назидание нашим собственным авторам так называемых художественных произведений: авось, кто-нибудь из них увидит, что урок может относиться и к нему с его собратиями».²³ При этом Чернышевский не преминул заметить, что дар американского писателя столь огромен, «что из наших художников не найдется ни одного, равного ему по таланту».²⁴ Значит, и Тургенев не может равняться с Готорном.

Не называя ни имени Тургенева, ни романа «Рудин», Чернышевский упрекнул некоего автора в том, что герой «одной прекрасной повести», «мало писавший по-русски», но имевший «самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий, затмевавший величайших ораторов блеском красноречия», человек, «не бесславными чертами вписавший свое имя в историю» и сделавшийся «предметом эпических народных сказаний», мог бы «как человек серьезный» быть изображен с большим уважением, чем это сделал автор. Автор повести, писал Чернышевский, «кажется, и хотел так сделать; но вдруг ему вздумалось: „а что же скажут мои литературные советники, люди такие расудительные, умеющие так хорошо упрочивать свое состояние, если получили его в наследство, или, по крайней мере, с таким достоинством держать себя в кругу людей с состоянием, если сами не получили большого наследства? Человек, который так расстроил свои семейные отношения, что остался безо всего при существовании значительного родового имения, который занимал деньги у богатых приятелей, чтобы раздавать их бедным приятелям, — нет, такой человек не может считаться серьезным по суду моих благоразумных советников“». И вот автор стал переделывать избранный им тип, вместо портрета живого человека

²² Готорн «ударился в то, что обыкновенно называют художественностью люди, не имеющие понятия о художественности; вдобавок вообразил, что в подлинных рассказах много неприличного, могущего развратить детское воображение, что надобно уродовать их для сглажения в них того, что люди с развращенным воображением считают безнравственностью. Он писал под влиянием двух этих мыслей, и результатом вышло — дрянь» (*Чернышевский*. Т. 7. С. 441).

²³ Там же. Одним из авторов, кому Чернышевский желал внушить «благоразумные мысли», был И. А. Гончаров (см.: Николай Гаврилович Чернышевский: Рекомендательный список литературы / Ред. М. М. Григорьян. М., 1953. С. 153. См. также: *Егоров Б. Ф.* Кого пародировал Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? // *Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв.* М.; Л., 1958. С. 321–322).

²⁴ *Чернышевский*. Т. 7. С. 442.

рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры. Разумеется, такое странное искажение не удалось, да и самому автору по временам, кажется, было совестно представлять пустым человеком исторического деятеля. Повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее шиллерова Дон-Карлоса, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей». ²⁵ Вряд ли у кого-то могло возникнуть сомнение, о каком авторе и о какой повести шла речь. Единственной загадкой для неискушенного читателя могли быть те состоятельные «литературные советники», в угоду которым автор повести представил «исторического деятеля» «пустым человеком».

В комментариях к статье Чернышевского в Полном собрании его сочинений приводится цитированное выше письмо Тургенева к Анненкову и утверждается, что писатель не понял брошенного упрека: «Тургенев либо невнимательно прочитал соответствующее место из статьи Чернышевского, либо сознательно искажил его: слова Чернышевского о зависимости от богатых людей относятся не к автору „Рудина“, а к самому Рудину. Что же касается упрека Чернышевского в отношении лиц, „умеющих хорошо упрочивать свое состояние“, то и это не относится лично к Тургеневу, а к его „литературным советникам“ из либерального лагеря — П. В. Анненкову, В. П. Боткину и другим друзьям Тургенева, которым он читал „Рудина“ в рукописи». ²⁶ Думается, оба эти утверждения по существу не верны.

Нет никаких сомнений в том, что Чернышевский совершенно сознательно обвинил автора «Рудина» в намеренном искажении образа некоего «исторического деятеля», недвусмысленно указывая на М. А. Бакунина, который, напомним, уже после участия в Пражском народном восстании 1848 года и восстании в Дрездене 1849 года стал видной фигурой международного революционного движения, будучи дважды приговорен к смертной казни саксонским и австрийским судами. Выданный России в 1851 году австрийским правительством, он около семи лет провел сначала в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбургской крепости, после чего был сослан на

²⁵ Чернышевский. Т. 7. С. 449.

²⁶ Там же. С. 1025, коммент. Н. М. Чернышевской и С. С. Борщевского. Нельзя согласиться и с утверждением, что оценка Чернышевским образа Рудина в этой статье была «резко отрицательной» (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 585, примеч. 9; автор — Л. Н. Назарова). В действительности Чернышевский в своей статье встал, условно говоря, как раз «на защиту» Рудина.

вечное поселение в Сибирь. Обвинение в желании сделать карикатуру на томящегося в ссылке Бакунина звучало более чем оскорбительно, особенно если учесть, что Тургенева связывали со знаменитым революционером старинные дружеские отношения, начавшиеся еще в 1840 году в Берлине.

Нельзя не согласиться с М. О. Габель в том, что для Чернышевского личность Бакунина была знаковой. «Русские революционеры-разночинцы, — писала исследовательница, — должны были считать Бакунина подлинным революционером. <...> В этом причина того, что для Чернышевского Бакунин 40–50-х годов герой-революционер».²⁷ Через два года Чернышевский повторит путь Бакунина: в июне 1862 года он будет арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а еще через полтора года приговорен к 14 годам каторги с последующим затем вечным поселением в Сибири. Правда, он не будет писать покаянной «исповеди» царю и бежать из ссылки, обманув своих покровителей, как это сделал Бакунин.

Оскорбление было для Тургенева, вероятно, неожиданным, хотя он и приписал его Добролюбову. Ведь Чернышевский по выходе в свет «Рудина» высоко оценил роман.²⁸ Несмотря на то, что к концу 50-х го-

²⁷ Габель М. О. Творческая история романа «Рудин». С. 62.

²⁸ Подробно ранние оценки Чернышевским «Рудина» освещены в комментариях к роману в *ПССУП(1)* (Соч. Т. 6. С. 572–573. Историко-литературный комментарий М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова) и *ПССУП(2)* (Соч. Т. 5. С. 487, 489. Историко-литературный комментарий М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова), а также в указанной выше статье Габель (С. 46–49). В этом отношении особенно интересна незавершенная статья Чернышевского «Разговор отчасти литературного, а более не литературного содержания» (1856–1857). Здесь Чернышевский от имени «одного из многих», споря с многочисленными критиками, прямо говорил об «огромном значении» в русской литературе и влиянии на публику творчества Тургенева, «которому так много обязаны мы все», и даже призывал их «преклониться перед благородным писателем» (*Чернышевский*. Т. 3. С. 780). Оценивая повесть «Рудин», «один из многих» писал об «очень сильном впечатлении», которое она произвела «на всех порядочных людей», и призывал критиков: «...когда будете писать о „Рудине“, не забудьте указанного мною факта — из действующих ныне писателей нет никого, чьи заслуги перед публикою равнялись бы заслугам г. Тургенева» (Там же). О близости этих оценок, принадлежащих «герою» статьи, к оценкам романа самим Чернышевским см.: Габель М. О. «Рудин»: Из истории борьбы вокруг романа (Чернышевский и Тургенев) // *Т Сб*. Вып. 3. С. 77–83. Нельзя, правда, не отметить налета вульгарного социологизма в этой и других работах уважаемой исследовательницы. Так, имея в виду мнения А. В. Дружинина, В. П. Боткина и П. В. Анненкова, М. О. Габель пишет: «Чернышевский был прекрасно осведомлен об „эстетическом нажиме“ на Тургенева со стороны его приятелей-советчиков. Его не могло не взволновать

дов отношения между Тургеневым и «Современником», прежде всего его главными сотрудниками — Добролюбовым и Чернышевским, значительно обострились, все же писатель вряд ли мог ожидать подобного грубого и незаслуженного выпада.

Мнения, что опубликованная без подписи статья о Готорне принадлежала перу Добролюбова, придерживался и Анненков. Даже визит к нему Чернышевского с объяснениями по поводу статьи не развеял его уверенности. Описание визита Чернышевского крайне интересно в свете будущих рассуждений: «Чернышевский — наивеликодушнейше, для спасения <Добролю>бова, принял статью на себя и приезжал ко мне объясняться, скромнейше выкидывая из себя такие слова: „Это я, вот видите, пишешь много глупостей; проскочит и большая какая-нибудь... оскорблять я никого не хотел... проврался... что же тут делать?.. слушаешься кругом сплетней... и сам так мерзко сосплетничаешь, что изумишься...“ и т. д.».²⁹ «Но все это вздор, — заключал Анненков, — не обративший ничего внимания».³⁰

Что же вызвало столь резкую выходку ведущего сотрудника «Современника»? Последним по времени событием перед появлением рецензии Чернышевского на книгу Готорна была ссора между Тургеневым и «Современником» в связи со статьей Добролюбова «Когда же придет настоящий день?». Зная все подробности этой ссоры, поставившей вынужденного выбирать между Тургеневым и Добролюбовым Некрасова в очень сложное положение, Чернышевский был, без сомнения, глубоко задет поведением как Тургенева, так и Некрасова, просившего Добролюбова отказаться от статьи, чтобы не обидеть старого товарища и одного из ведущих авторов журнала.³¹ Хорошо знал Чернышевский и

их активное стремление вырвать Тургенева из передового, демократического лагеря и увести его в мир „чистой поэзии“» (Там же. С. 83). Подобные примеры не единичны.

²⁹ Анненков. *Письма*. Кн. 1. С. 87.

³⁰ Там же.

³¹ Довольно подробно, хотя и пристрастно по отношению к Тургеневу, изложена история со статьей Добролюбова о «Накануне» в воспоминаниях А. Я. Панаевой (см.: Панаева (1972). С. 272–280). Тем не менее многое в ее изложении кажется вполне правдоподобным. Если упоминание ею письма Тургенева к Некрасову, состоявшего только из одной фразы («Выбирай: я или Добролюбов») следует отнести скорее к богатому воображению мемуаристки, то некоторые другие свидетельства заслуживают большего внимания. «Разрыв Тургенева с „Современником“ произвел такое же смятение в литературном мире, как если бы случилось землетрясение, — писала Панаева. — Приближенные Тургенева, которыми он себя всегда окружал,

все цензурные перипетии со статьей Добролюбова о «Накануне». Вот почему не стоит полностью доверять его поздним свидетельствам о том, что происходило внутри редакции журнала и вне ее вокруг этой статьи. Настойчивое желание мемуариста представить Тургенева ненавистником молодого критика, которому он «желал мстить», когда писал свой роман «Отцы и дети», бросается в глаза любому непредвзятому читателю.³² Слишком многое в этих поздних воспоминаниях не соответствует документальным свидетельствам (что было давно замечено иссле-

как глашатаи, оповещали всюду о разрыве и цитировали чуть ли не целые страницы ругательств на Тургенева, будто бы заключавшихся в статье Добролюбова. Одним словом, Добролюбов выставлялся Змеем Горынычем, а Тургенев богатырем Добрыней Никитичем, который спас литературу от чудовища, пожиравшего всех как прежних, так и современных авторитетных писателей. / Когда вышла книжка „Современника“ со статьей <...> то в оправдание себя друзья Тургенева стали кричать, что Некрасов струсил и заставил Добролюбова написать другую статью» (Там же. С. 278). В комментариях к этому фрагменту (автор Г. В. Краснов) справедливо говорится о «новой редакции» статьи (Там же. С. 446). Несомненно, располагая первой редакцией статьи Добролюбова (до сих пор не обнаруженной), друзья Тургенева действительно могли цитировать из нее какие-то отрывки, появление же статьи в обновленном виде должно было заглушить эти разговоры, чем и объясняется «забывчивость» Панасовой, не упомянувшей о ее переработке. Косвенным подтверждением сказанному является упоминание статьи в письме Добролюбова к С. Т. Славутинскому от второй половины апреля 1860 г. Прося товарища передать поклон М. И. Дарагану, автору резко критической статьи о «Накануне» в газете «Наше время» (1860. 13 марта. № 9), Добролюбов писал об этой статье: «...здесь рассказывали о ней ужасы, которых я тут вовсе не нашел. О Елене мысли его очень странны, даже дики; но видно, что на этот счет с ним можно спорить. Что касается до Инсарова, то я с ним совершенно согласен и даже высказал те же мысли в своей статье. Жаль только, что согласно с тоном и целью всей моей статьи я не мог их высказать резко» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 416). Любопытно, что и в воспоминаниях Чернышевского красноречиво умалчивается о двух редакциях статьи Добролюбова. «Что именно так испугало Бекетова и Тургенева в статье Добролюбова, в точности нам неизвестно, так как первоначальный текст этой статьи до нас не дошел, — читаем в комментариях к воспоминаниям. — В „Современнике“ же она была напечатана в значительно переделанном виде» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 813, примеч. 3).

³² *Чернышевский Н. Г.* Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым (Ответ на вопрос) // *Чернышевский*. Т. 1. С. 737–738. Чернышевский приписывает данное признание Тургеневу на основании свидетельства М. А. Маркович, однако письменного подтверждения подобного факта нет, даже если Маркович и была убеждена в том, что излагает Чернышевский. Этот прием вообще характерен для мемуаров Чернышевского: он ссылается на слова Некрасова, Добролюбова, Боткина (когда заходит речь о «Рудине»), оставляя за собой роль беспристрастного свидетеля.

дователями и комментаторами).³³ Следует также помнить, что они писались не только после тургеневской статьи «По поводу „Отцов и детей“», опубликованной в 1869 году в первом томе салаевского собрания сочинений, но уже после смерти писателя. А поскольку ни Добролюбова, ни Некрасова к тому времени (1884 г.) также не было в живых, опровергнуть его версии и умозаключения было некому.³⁴

Итак, минуя вопрос о переработке Добролюбовым статьи о «Накануне», не упоминая о просьбе Тургенева не печатать эту статью, Чернышевский передает разговор с Некрасовым, который якобы сообщил

³³ Назовем, к примеру, комментарии Б. М. Эйхенбаума к роману «Рудин» в издании ГИХЛ, вышедшем в 1929–1933 гг. под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума, где ученый подверг «проверке» некоторые поздние утверждения Чернышевского (*Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. М.; Л., 1930. Т. 5. С. 282–283*).

³⁴ Эти воспоминания были написаны по просьбе бывшего сотрудника «Современника» и близкого по убеждениям Чернышевскому его двоюродного брата А. Н. Пыпина и приложены к письму Чернышевского к Пыпину от 21 января 1884 г. (см.: *Чернышевский. Т. 1. С. 788*). И хотя Чернышевский часто ссылается на плохую память («я не умею теперь припомнить», «не умею определить» и т. п.), допущенные ошибки явно носят тенденциозный характер. Вряд ли соответствуют действительности утверждения, подобные тому, что Тургенев во время пребывания в Петербурге чуть не каждый день проводил у Некрасова, «постоянно держался подле него», «не отходил» от него (С. 726). С трудом верится, что ведущий сотрудник журнала «не интересовался» тем, как «держал себя Добролюбов относительно Тургенева» (Там же). Скорее можно предположить, что Чернышевский исключительно внимательно следил за отношениями Тургенева и Добролюбова. Повторяя версию «Современника» о разрыве его с Тургеневым (а не наоборот, как было в действительности), Чернышевский сводит это событие к личным отношениям Некрасова и Тургенева и даже делает вид, что пытается в момент написания воспоминаний впервые определить его причины (С. 731). Характерно, что среди причин называются столь незначительные эпизоды, как спор о достоинстве одной повести Б. Ауэрбаха или драмы Л. Мея. С трудом верится, что Некрасов более доверял художественному вкусу Чернышевского, чем Тургенева, как утверждал мемуарист: «Находя в моих мнениях о них (поэтах и беллетристах. — *Н. Г.*) больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам и повестям со стороны Тургенева». Но первую роль в отчуждении Некрасова от Тургенева Чернышевский уступает Добролюбову: «А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова». И, наконец, окончательный вывод: «Потерять влияние на „Современник“ не могло не быть неприятно Тургеневу» (С. 733). Не последней причиной ссоры Тургенева с Некрасовым Чернышевский считает и так называемое «огаревское дело», в оценке которого Тургенев поддался ошибочному мнению Герцена.

ему, что «Тургенев ненавидит Добролюбова» и что неприязнь к критику достигла ненависти после публикации статьи о «Накануне».³⁵

Не следует удивляться, что Чернышевский в воспоминаниях ни словом не обмолвился о своей выходке против Тургенева в рецензии на

³⁵ *Чернышевский*. Т. 1. С. 727. Здесь в комментариях справедливо указано, что этот разговор мог происходить не после напечатания статьи, а до того, и Чернышевский «не мог не знать тех осложнений, которые эта статья вызвала в цензуре» (Там же. С. 813, примеч. 3). Итак, Некрасов будто бы рассказал Чернышевскому о двух причинах ненависти Тургенева к Добролюбову. Первая была такова, что мемуарист «со смехом признал ожесточение Тургенева совершенно справедливым». Оказывается, Тургенев многократно «заискивал» «задушевные беседы» с Добролюбовым, от которых последний решительно отказывался, мотивируя свой отказ так: «Иван Сергеевич, мне скучно говорить с вами и перестанем говорить». «Тургенев отстал, наконец», хотя по-прежнему «пытался сделать своим собеседником Добролюбова, но Добролюбов давал на его длинные речи односложные ответы и при первой возможности отходил в сторону» (Там же. С. 727). Такова была неприглядная и унижительная роль Тургенева в его отношениях с молодым критиком «Современника», описанная Чернышевским якобы со слов Некрасова. В изложении Чернышевского Тургенев еще и скрывал свою досаду на Добролюбова, однако его «неудовольствие» «усилилось в последние дни до положительной ненависти» в связи со статьей о «Накануне». Ссылаясь на мнение Некрасова, Чернышевский пишет: «Тургенев нашел эту статью обидной для себя: Добролюбов третирует его, как писателя без таланта, какой был бы надобен для разработки темы романа, и без ясного понимания вещей» (Там же. С. 728). Что касается собственного мнения Чернышевского, то он делает все, чтобы изобразить дело так, будто просматривал статью невнимательно, «торопливо, пропуская строки и целые десятки слов и целые столбцы корректуры»: «Дело в том, что я вообще уже давно перестал читать статьи Добролюбова и просматривал иной раз кое-что в какой-нибудь из них лишь по какому-нибудь особенному обстоятельству». Обычно это происходило по просьбе самого Добролюбова, как и в данном случае, поскольку молодой критик сомневался в своих знаниях ситуации в Болгарии, вот Чернышевский и «искал глазами в статье только этих мест, пропуская все остальное не читанным». Если допустить, что дело обстояло именно так, то признание Чернышевского не может не вызвать по меньшей мере удивления. Ценить Добролюбова и доверять ему до такой степени, чтобы хвалить его статьи не читая, даже если речь шла о произведении одного из самых популярных писателей, да еще написанном на столь острую тему, означало лишь одно: Чернышевскому действительно в высшей степени было безразлично, о чем шла речь. А в том, что Добролюбов будет прав, он не сомневался. Впрочем, настойчивое повторение тезиса о своем безразличии к тому, что написал Тургенев, заставляет все же усомниться в искренности мемуариста. Особенно подталкивает к данному заключению «признание» в том, что он, даже после републикации статьи в посмертном сборнике Добролюбова (1862), не запомнил, «достаточно или недостаточно похвал роману Тургенева» было в статье и вообще «как именно оценивал Добролюбов этот роман» (Там же).

книгу Н. Готорна, выходке, послужившей прямым поводом для разрыва писателя с «Современником». Ведь нельзя же предположить, что Панаев после упомянутого разговора с Анненковым не передал ему слов Тургенева по поводу рецензии на Готорна. Окончание всей истории Чернышевский передает и вовсе идилично: Некрасов, несмотря на «тогда еще очень большое расположение к Тургеневу», не высказал «ни малейшего порицания Добролюбову, он только смеялся над обманутыми надеждами Тургенева на панегирик роману; посмеялся и я».³⁶ Как будто, поручая статью о «Накануне» Добролюбову, можно было предположить, что она будет панегирической.

Предположим, Чернышевский не читал статью Добролюбова, а только просмотрел, как он утверждает, болгарские реалии на предмет их соответствия историческим фактам. Предположим даже, что он не читал и сам роман Тургенева «Накануне». Но вот тот факт, что он читал статью Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», отрицать не смог бы никто, поскольку в тексте воспоминаний имеются на этот счет прямые указания.

«Открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову, — писал Чернышевский, — был, как известно, роман „Отцы и дети“. Мне случилось читать, что Тургенев находил нужным печатать объяснения по вопросу об отношениях этого романа к лицу Добролюбова; попадались на глаза и кое-какие отрывки из этих объяснений».³⁷ Чтобы читатель не догадался о том, насколько внимательно он читал «объяснение» Тургенева, Чернышевский прибавляет: «Но это были только отрывки; и не берусь по ним решать, удовлетворительны ли были объяснения,

³⁶ *Чернышевский*. Т. 1. С. 728. В то же время даже из воспоминаний А. Я. Панаевой, вовсе не расположенной к Тургеневу, следует, что Некрасов очень переживал историю со статьей Добролюбова и пытался всеми силами уладить конфликт. Не вызывает также доверия утверждение Чернышевского, будто он даже уговаривал Добролюбова «не держать себя так несговорчиво с почтенным человеком, достоинства которого старался изобразить Добролюбову в самом привлекательном и достойном уважения виде; но мои доводы были отвергаемы Добролюбовым с непоколебимым равнодушием» (Там же. С. 728–729). Даже свою собственную неприязнь к Тургеневу Чернышевский всеми силами пытался скрыть, перенеся весь конфликт на своего младшего товарища, хотя подлинные его чувства обнаруживаются на каждом шагу.

³⁷ Там же. С. 737. В конце воспоминаний Чернышевский еще раз ссылается на «объяснение» Тургенева и снова «не умеет припомнить», точно ли писатель выступал печатно с опровержением слухов о том, что в основу образа Базарова была положена личность Добролюбова (Там же. С. 740).

взятые все вместе». Делая вид, что факт изображения Добролюбова в «злостной карикатуре» на него в образе Базарова общеизвестен, Чернышевский и здесь использует прием косвенного доказательства, причем в качестве свидетеля выставляет самого Тургенева, который будто бы, после долгих отпирательств, признался М. А. Маркович (Марко Вовчок), что «действительно <...> желал мстить Добролюбову, когда писал свой роман».³⁸ И вот здесь система доказательств Чернышевского дает сбой.

«Мое личное мнение об этом деле основано на фактах, которые случилось мне слышать об одном из прежних романов Тургенева — „Рудин“», — пишет Чернышевский.³⁹ Логично спросить: а при чем здесь «Рудин», если речь идет об «Отцах и детях»? К чему подробно излагать рассказы Некрасова и Боткина о том, как Тургенев дорабатывал роман по советам друзей? Причем эти рассказы передаются в качестве ответа на прозрачный вопрос Чернышевского, подсказавшего тему: «Я вставил в их беседу <...> какие-то маловажные слова, имевшие тот смысл, что портрет Бакунина, начерченный Тургеневым в лице Рудина, едва ли верен. По всей вероятности, сходство утрачено через то, что черты слишком изменены с намерением сделать их дурными».⁴⁰ Из их ответа Чернышевский будто бы узнал, что первоначально замысел Тургенева состоял в том, чтобы «изобразить Бакунина в блистательнейшем свете», написать «апофеоз»⁴¹ Рудина, но перед завершением писатель «струсил», убоившись упрека в непонимании человеческой психологии («Без темных уголков никакое человеческое сердце не обходится: кто не нашел их, тот не умел глубоко заглянуть в него»). Из-за этого Тургенев якобы стал стирать «слишком светлые краски» и вносить «тени», пока «не осталось в романе ничего, кроме пасквиля». Не правда ли, приведенный сюжет напоминает характеристику романа в рецензии на книгу

³⁸ Там же. С. 737–738.

³⁹ Там же. С. 738.

⁴⁰ Там же. Эти слова явно отсылают к мнению, высказанному Чернышевским в рецензии на книгу Готорна.

⁴¹ Это слово также отсылает к статье Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», где приводилась цитата из письма М. Н. Каткова: «Если и не в апофеозу возведен Базаров, то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал» (*ИССУП*(2). Соч. Т. 11. С. 92). В то же время никаких данных о том, что в «Рудине» писатель собирался представить «апофеоз» главного героя, нет и не могло быть. Подобное намерение противоречило главным художественным установкам писателя, который откровенно признавался: «Какого бы я ни был скромного мнения о своем даровании — я все-таки считал и считаю сочинение памфлета, „пасквиля“ ниже его, недостойным его» (Там же. С. 88).

Готорна? В изложении Чернышевского Боткин комментировал рассказ Некрасова «беспощадным анализом некоторых сторон характера Тургенева» и говорил об этом с «ядовитым негодованием». Характерно, что ни словом не напомнив о собственной рецензии, в которой так беспардонно трактовался роман Тургенева, Чернышевский приписывал Боткину и Некрасову мнение о романе как о «мозаике клочков противоположных тенденций, в особенности в характере Рудина». При этом он «не умеет припомнить» собственного мнения о романе, утверждая, что и сам роман «плохо помнит».⁴² Рассказ же о его переделках понадобился Чернышевскому для того, чтобы провести параллель между «пасквилом» на Бакунина в «Рудине» и «пасквилом» на Добролюбова в «Отцах и детях». «Защищая» Бакунина и Добролюбова от очернительства Тургенева, Чернышевский утверждал, что оба героя не похожи на портреты реальных людей. Как ни странно, в этом он был как раз прав, не осознавая, впрочем, что подобными заявлениями лишь выдает свое непонимание не только творчества Тургенева, но и вообще основ художественного творчества.

Что же говорил Тургенев, пытаясь отвести от себя упреки в «очернительстве» Добролюбова уже после преждевременной смерти критика в ноябре 1861 года?⁴³ В статье «По поводу „Отцов и детей“» он прямо писал: «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии; но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя? <...> Что же касается до „уязвленного“ самолюбия, то замечу только, что

⁴² «Кажется, и мне самому думалось тогда, что характер Рудина — путаница несообразностей. Не умею припомнить теперь ни того, думалось ли мне так тогда, ни того, так ли это на самом деле» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 739). Неясно, когда же лукавил автор воспоминаний — когда хвалил роман, когда в рецензии на Готорна назвал его «винегретом сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц» или когда забыл об этом много лет спустя?

⁴³ О том, до какой степени простирались выдумки тогдашних недоброжелателей Тургенева, дает представление утверждение А. Я. Панаевой о том, что «редакция „Современника“ была извещена, что Тургенев уезжает за границу (в апреле 1860 г. — *Н. Г.*), для того чтобы на свободе писать повесть, под заглавием „Нигилист“, героем которой будет Добролюбов <...>» (*Панаева (1972)*. С. 280), в то время как сам Тургенев свидетельствовал, что «первая мысль» «Отцов и детей» пришла ему в голову в августе 1860 г. в Вентноре, на о. Уайт (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 86). Это подтверждается и датой в автографе первой части подготовительных материалов к роману («формулярных списков» будущих героев) (Там же. Т. 12. С. 563).

статья Добролюбова о *последнем моем произведении перед „Отцами и детьми“* — о „Накануне“ (а он по праву считался выразителем общественного мнения) — что эта статья, явившаяся в 1861 году, исполнена самых горячих — говоря по совести — самых незаслуженных похвал». ⁴⁴

Красноречивым подтверждением того, что Тургенев не испытывал личной обиды на автора статьи, является история с другой статьей, посвященной роману «Накануне», а именно — статьей молодого К. Н. Леонтьева «Письмо провинциала к г. Тургеневу», которую он прислал писателю в апреле того же 1860 года с просьбой устроить ее в печать. Переданная, несмотря на содержащуюся в ней резкую критику романа, самим Тургеневым в «Отечественные записки» с просьбой напечатать ее, статья Леонтьева действительно была помещена в журнале. ⁴⁵ Можно

⁴⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 87–88. Приведем для примера лишь один фрагмент статьи Добролюбова, который не мог не тронуть писателя: «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в юную, девственную душу, так полно охватывает ее и с таким вдохновенным трепетом, с таким жаром любви рисует ее лучшие мгновения, что нам в его рассказе так и чуетя — и колебана девственной груди, и тихий вздох, и увлажненный взгляд, слышится каждое биение взволнованного сердца, и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства, и благодатные слезы не раз подступают к глазам, и из груди рвется что-то такое — как будто мы свиделись с старым другом после долгой разлуки или возвращаемся с чужбины к родимым местам. <...> И благо тому, кто умеет пробуждать в других такие воспоминания, вызвать такое настроение души... Талант г. Тургенева всегда был силен этою стороною, его повести постоянно производили своим общим строем такое чистое впечатление, и в этом, конечно, заключается их существенное значение для общества» (Добролюбов. Т. 6. С. 117–118).

⁴⁵ Статья, написанная в виде письма к Тургеневу, была принята редакцией, хотя и снабжена примечаниями, в которых высказывалось несогласие с мнением автора. В редакционном предисловии (очевидно, написанном С. С. Дудышкиным) говорилось, что редакция помещает статью по просьбе Тургенева: «Мы не исполнили бы этой просьбы автора „Накануне“, потому что „Письмо провинциала к г. Тургеневу“ слишком взыскательно и односторонне в своих эстетических требованиях <...>» (ОЗ. 1860. № 5. Отд. III. С. 1). Тургенев, с точки зрения Леонтьева, оказался «недостойным самого себя» как поэт, недостойным не только «Рудина», «Дворянского гнезда», «Муму», «Загишья», но даже «Записок охотника», которые «много уступают в деле зрелой красоты этим повестям». Упреки критика сводились к тому, что в новом романе слишком видна «математическая ясность плана», автор не перешел «за ту черту, за которой живет красота, или идея жизни», психологические и исторические «остовы» образов главных героев не облеклись «художественной плотью». Противопоставляя «Накануне» другим произведениям Тургенева, Леонтьев писал: «...вы не любили Инсарова, вы любили Рудина, <...> автора писем в „Фаусте“, Горского („Где тонко, там и рвется“), и не знаю, зачем вы казните в „Накануне“ это

не сомневаться, что при всей резкости оценок статья Леонтьева в глазах Тургенева много выигрывала на фоне статьи Добролюбова, конечно не своей политической тенденцией (прямо противоположной добролюбовской), а прежде всего более пристальным вниманием к художественной стороне романа.

Еще более красноречиво свидетельствует об отношении Тургенева к Добролюбову другой факт: в текст романа о «новых людях» («Новь») Тургенев включил стихотворение покойного критика, которое было опубликовано уже после его смерти в четвертом томе собрания сочинений, подготовленного Чернышевским, и даже дал ссылку на это издание. В описании разговора Марианны с Неждановым, читающим свои стихи (глава XXVIII), находим: «Марианна вдруг прервала его вопросом: знает ли он удивительное стихотворение Добролюбова, которое начинается так: „Пускай умру — печали мало“, и тут же прочла его — тоже не совсем хорошо, как-то немножко по-детски. / Нежданов заметил, что оно горько и горестно донельзя, — и потом прибавил, что он, Нежданов, не мог бы написать это стихотворение уже потому, что ему нечего бояться слез над своей могилой... их не будет».⁴⁶ Надо признать, что, приводя текст стихотворения целиком под строкой, никакого пародийного подтекста писатель в этот эпизод не вкладывал. Напротив, предсмертное стихотворение Добролюбова не могло не поразить его щемящим предчувствием близкого конца и горьким чувством одиночества:

Пускай умру — печали мало;
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

изящное, колеблющееся начало. Не подобное ли начало долго было живительным в России?». В то же время Леонтьев не только дал отпор обвинениям в безнравственности, прозвучавшим в нескольких отзывах, но и очень высоко оценил другие романы Тургенева: «Отчего „Рудин“ так высоко поднимает душу, так любим всяким русским умом, умевшим хотя немного жить для идеала? Отчего „Гнездо“ так умиляет, примиряет сердце? <...> потому что мысль о прогрессе, протекающая под живыми явлениями драмы, не первая бросается в глаза» (см.: *Леонтьев*. Т. 9. С. 8–9). Спустя почти 30 лет в статье «Анализ, стиль и веяние» Леонтьев выскажется о «холодом и ложью дышащем» «Накануне» гораздо резче: «...нужно или вовсе уж и не думать о прекрасном ни в искусстве, ни в самой жизни, или иметь вкусы какого-то торжествующего лакея, чтобы не понимать, что в повести „Первая любовь“ и поэзия, и правда бьют ключом из каждой строки, а все это „Накануне“ намалевано почти по заказу прогрессивно-демократического хамства» (см.: Там же. С. 245).

⁴⁶ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 314.

Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слез,
Чтоб кто-нибудь в усердье глупом
На гроб цветов мне не принес;

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб над могильною землею
Не стал любви предметом я.

Что всё, чего желал так жадно
И так напрасно я — живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

Нет сомнений, что поэтическое творчество сближает одного из главных героев романа с безвременно ушедшим критиком, что, кажется, не было замечено ни современниками, ни более поздними читателями «Нови».⁴⁷

Так что же заставило Тургенева протестовать против статьи Добролюбова? Как ни странно, вовсе не то, что в ней прозвучали резкие замечания на его роман. Скорее наоборот: то, за что ее потом с таким восторгом приняла «прогрессивная» часть публики, а именно — ее революционное содержание. Если присмотреться внимательнее к уже процитированному письму Тургенева к Некрасову с просьбой не печатать статью, именно это в завуалированной форме и говорит Тургенев: «...она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается». По сути дела, о том же писал и цензор Бекетов, высоко оценив саму статью, своим пафосом напомнившую ему Белинского: «Напечатать

⁴⁷ Показательно, что уже в первых разработках действующих лиц, а именно в «Формулярном списке лиц новой повести», помеченном февралем 1872 г., Тургенев в характеристике Нежданова записывает: «Поклонник Добролюбова» (BN. Slave 75. F. 103 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 403). После конспекта романа («Рассказа новой повести»), помеченного той же датой, на отдельном листе следует запись: «NB. <...> Поместить стихотворение: / Милый друг, когда я буду...» (BN. Slave 75. F. 125 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 413). Наконец, во второй редакции конспекта романа Тургенев находит место для помещения этого стихотворения и записывает в скобках на полях после описания отношений Сипягиной к Нежданову: «NB. <...> Не упомянуть ли здесь о стихотворении „Милый друг“?» (BN. Slave 75. F. 128 v. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 415). В комментариях почему-то не отмечено, что стихотворение Нежданова перекликается с одним из последних стихотворений Добролюбова «Милый друг, я умираю, / Потому что был я честен...».

так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному».⁴⁸ Достаточно задать вопрос, чье же внимание могла обратить на «бесподобного Ивана Сергеевича» и, очевидно, на журнал «Современник» статья «Когда же придет настоящий день?», как ответ является сам собой. Эта сторона дела, конечно, была понятна и Некрасову, который уговаривал Добролюбова либо отказаться от нее, либо переделать.

Не так смотрел на дело Чернышевский. Его позиция, разумеется, менее всего имела отношение к самому роману Тургенева. Используя любой предлог, любое произведение или общественное явление, чтобы вести революционную пропаганду, Чернышевский делал это сам и ценил это в других.⁴⁹ Вот почему он заранее соглашался с любой статьей Добролюбова, поскольку хорошо знал, что по главным вопросам их взгляды полностью совпадали. И в этом отношении Чернышевский был безусловно прав, недаром статью Добролюбова принято считать «революционной прокламацией»,⁵⁰ хотя данное определение далеко не исчерпывает ее содержания. Как общая оценка творчества писателя, так и анализ романа «Накануне» выдают в Добролюбова проницательного литературного критика, имевшего все основания считаться надеждой

⁴⁸ Насколько лоялен по отношению к Добролюбову и в то же время дальновиден был В. Н. Бекетов, свидетельствует тот факт, что спустя три года он будет снят с должности цензора за пропуск в печать романа Чернышевского «Что делать?», когда сам автор уже находился в Петропавловской крепости (см.: Шестидесятые годы. Л., 1940. С. 391).

⁴⁹ Кстати, имя Чернышевского тоже появляется в подготовительных материалах к «Нови». В эпилоге первой редакции «Краткого рассказа новой повести» (февраль 1872 г.) читаем: «Соломин и Синецкая сошлись <...> (Маркелов — там, где Чернышевский и др.)» (BN. Slave 75. F. 118 v. См. также: ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 413). При всем неприятии эстетических и политических взглядов Чернышевского, Тургенев все же объективно оценивал его значение в русском общественно-литературном процессе. Так, в недавно обнародованном письме к своей хорошей парижской знакомой кн. А. А. Трубецкой от 12 (24) марта 1877 г. он писал: «Вы правильно делаете, что читаете роман Чернышевского — с литературной точки зрения он очень плох — но сколько существует хорошо написанных книг, которые не стоят труда быть прочитанными. Чернышевский — фигура, которая оставит след в истории умственного развития России; — кроме того, он заслуживает сочувствия всякого честного человека за то, каким варварским, несправедливым, возмутительным образом с ним обращались — и обращаются по сей день» (ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 648. Подлинник по-франц.).

⁵⁰ См.: Добролюбов. Т. 6. С. 495.

отечественной критической мысли. Можно не сомневаться, что Тургенев по достоинству ценил талант молодого критика и внимательно следил за его творчеством.

Заслуживает внимания оценка Добролюбовым романа «Рудин», прозвучавшая в статье о «Накануне». Считая Тургенева чутким выразителем общественных настроений, Добролюбов выстраивал созданные им типы в определенную цепочку («Лишнего человека сменял Пасынков, Пасынкова — Рудин, Рудина — Лаврецкий») и писал: «Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера и всего их существования была одна и та же. Они были вносители новых идей в известный круг, просветители, пропагандисты <...> в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно, почтенно и благотворно. Недаром же все встречали их с такой любовью, так сочувствовали их душевным страданиям, так жалели об их бесплодных усилиях. Недаром никто тогда и не думал заметить, что все эти господа — отличные, благородные, умные, но, в сущности, бездельные люди».⁵¹ Однако, по мнению Добролюбова, время Рудина «и всей его братии», всех этих «красноречивых страдальцев возвышенных убеждений» прошло, в обществе появились новые требования, «подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку»: «От гимназиста, от посредственного кадета, даже иногда от порядочного семинариста вы услышите ныне выражение таких убеждений, за которые в прежнее время должен был спорить и гордиться, например, Белинский».⁵² Даже необыкновенный успех изданных в последнее время сочинений «передового из передовых» Белинского (разошедшихся в количестве 12 000 экземпляров) для Добролюбова является свидетельством не столько своевременности его идей, сколько того, что они стали «дороги и святы теперь для большинства». И главное — что в обществе, где столь востребованы книги Белинского, «Рудиным просто делать нечего».⁵³ При этом Добролюбов не отрицает, что Рудин и «все люди его закала принадлежали <...> к лучшим людям своего времени».⁵⁴ Как видим, оценки Чернышевского и Добролюбова в случае «Рудина» разнятся кардинально, как, между прочим, расходились они в оценке книги Н. Готорна.

Говоря о непосредственной причине резкого выпада Чернышевского против Тургенева в статье о Готорне, придется признать, что она до сих

⁵¹ Там же. С. 100.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ Там же. С. 102.

⁵⁴ Там же. С. 101.

пор неизвестна. В поисках ответа на этот вопрос, может быть, следует учесть, что около середины мая ст. ст. 1860 года Чернышевский проводил тяжело больного Добролюбова на лечение за границу и был очень обеспокоен его здоровьем. Возможно, он связывал ухудшение состояния критика с переживаниями, вызванными конфликтом по поводу статьи о «Накануне». Не последнюю роль в его настроениях играло и то, что ему пришлось потратить немало усилий, чтобы обеспечить финансовую сторону поездки Добролюбова, не располагавшего достаточными средствами. Рассказ о перипетиях с доработкой романа «Рудин», прозвучавший из уст Некрасова и Боткина либо накануне, либо во время написания рецензии на книгу Готорна, дал Чернышевскому материал для резкого выпада, который переполнил чашу терпения Тургенева. Могли быть и другие дополнительные причины, спровоцировавшие поступок, о котором Чернышевский забыл или не захотел упомянуть в своих воспоминаниях.

Можно не сомневаться, однако, в том, что Чернышевский внимательно читал как роман «Накануне», так и посвященную ему статью Добролюбова, причем и первую и окончательную ее редакции.⁵⁵ В одном он был безусловно прав, не найдя ничего обидного для Тургенева в этой статье. Действительно, на фоне других откликов на роман статья Добролюбова выглядит скорее хвалебной, чем ругательной. Да и основные ее тезисы мало отличались от других его статей этого периода: о чем бы ни шла речь, критик не упускал возможности обличить существующие порядки и выказать страстное ожидание грядущих перемен, в которых главной движущей силой будут уже не «лишние люди», а новые деятели, тесно связанные с народом. Роман «Накануне» даже заглавием подсказывал, в каком направлении можно вести его критический разбор.

В этом смысле характерны, например, рецензия Добролюбова на «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» (М., 1860), напечатанная в февральской книжке «Современника» за 1860 год, и в особенности личное письмо к автору книги, с которым у критика сложились доверительные отношения (Добролюбов даже привлек Славутинского к сотрудничеству в «Современнике»). Письмо датировано 22 февраля ст. ст.

⁵⁵ По поводу второй редакции статьи он сам замечал в воспоминаниях, что не только читал ее, но и восстановил в ней цензурные изъяты, опущенные в «Современнике». «Издавая собрание сочинений Добролюбова (в 1862 г. — Н. Г.), — писал Чернышевский, — я, разумеется, сличал и эту статью, как была напечатана она в „Современнике“, с рукописью Добролюбова <...> Перечитывал статью во второй раз в корректуре нового набора» (*Чернышевский*. Т. 1. С. 728).

1860 года, то есть как раз тем временем, когда статья о «Накануне» была уже написана и решался вопрос о ее напечатании. Очевидно, рецензия на Славутинского была написана тотчас после статьи о Тургеневе (цензурное разрешение на нее было подписано 20 февраля 1860 г. тем же цензором В. Н. Бекетовым) и тесно с нею связана.

Раскрывая истинный смысл своей статьи, Добролюбов писал Славутинскому: «О Ваших рассказах тоже написал я статью, которой фон не лишен был гвоздиком: вот, мол, человек, не сочиняющий приторных дифирамбов и эклог насчет русских мужичков, не умеет, мол, он этого, потому — не художник, как Григорович с Писемским, и т. д. А в русской, мол, жизни у него попадаются такие задатки, каких „образованному“ обществу и во сне не снилось. Отчего, мол, это? Не оттого ли, что он сознал, да и пришла пора сознать, что народ не игрушка, что ему деятельная роль уже выпала в нашем царстве и пр. Все это было обставлено, конечно, *литературным элементом*, и все это выщипано... (цензором. — *Н. Г.*) И остался один только этот литературный элемент, или, лучше сказать, — черт знает что осталось... Просто смотреть гадко...».⁵⁶ А поскольку подобная манипуляция была произведена и со статьей о «Накануне», не приходится сомневаться, что это оставило в ее авторе не менее горькое чувство. Приведенным словам в письме предшество-

⁵⁶ Добролюбов. Т. 9. С. 402. Так, явные намеки на подобострастное отношение Е. Я. Колбасина к литературному авторитету Тургенева, с которым его связывали дружеские отношения, звучали в рецензии Добролюбова на книгу Колбасина «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859): «Г-н Колбасин весьма благосклонно смотрит на старинную моду иметь литературных милостивцев <...> Теперь это уже сделалось признаком мелкости и пошлости натуры <...>. В современной литературе нет *литературного генеральства*, и это прекрасно» (Добролюбов. Т. 6. С. 44–45). Несомненно, косвенно метила в «Записки охотника» (отдельное издание которых вышло в 1852 г., а в трехтомном издании 1856 г. они составили первый том) и рецензия на сборник рассказов Славутинского: «Лет семь тому назад была большая мода на повести из простонародного быта <...>» (Там же. С. 49). Не называя имени автора «Записок охотника», что уже само по себе было определенным жестом, критик противопоставлял прежним героям произведений из простонародного быта сочинения Славутинского, который, хотя и «не возвышается над многими из предшествовавших простонародных рассказчиков — силою художественного таланта, а некоторым из них уступает», однако «не подлаживается ни к читателям, ни к народу, не старается <...> смягчить перед нами грубый колорит крестьянской жизни, не усиливается непременно создавать идеальные лица из простого быта. Он не считает нужным и щегольнуть сочувствием к простому классу, которое с таким самодовольством старались выставить напоказ некоторые из прежних, даже талантливых писателей <...>» (Там же. С. 52).

вали строки о статье «Когда же придет настоящий день?», из которой цензор Бекетов «вымарал полтора листа, целую половину из статьи о новой повести Тургенева; я, разумеется, статью должен был бросить. А он пренахально спрашивает: отчего же я не хотел печатать свою статью!». ⁵⁷

Что касается статьи о «Накануне», то следует помнить, что мы знаем уже вторую редакцию, которая, судя по всему, существенно отличалась от первоначальной. ⁵⁸ Однако можно с большой долей вероятности пред-

⁵⁷ Добролюбов. Т. 9. С. 402.

⁵⁸ Мы не разделяем мнения В. Э. Бограда, высказанного в комментариях к статье Добролюбова (Там же. Т. 6. С. 492–493), о том, что, перепечатавая уже после смерти Добролюбова статью в сборнике 1862 г., Чернышевский полностью восстановил первоначальный текст, как он это сделал в отношении других статей, располагая рукописями. «...Если считать, что текст изд. 1862 г. не является первоначальным вариантом, — пишет ученый, — то тогда необходимо признать наличие еще одного варианта, который является промежуточным между первоначальным и дошедшей до нас корректурой» (Там же. С. 493). Нельзя признать убедительным тот аргумент, что корректуре предшествовал только первоначальный вариант. Напротив, свидетельства самого Добролюбова говорят о том, что после вмешательства в текст его статьи цензора Бекетова, вымаравшего «полтора листа, целую половину из статьи», он принял решение ее не публиковать (Там же. Т. 9. С. 402). Отказавшись печатать статью в искаженном виде, Добролюбов послал ее (в рукописи или в корректуре) друзьям для распространения и даже получил предложение от А. Н. Плещеева напечатать ее в газете «Московский вестник». Однако в первой половине марта он уже сообщает тому же Славутинскому: «У Вас в руках статейка моя о Тургеневе. Пожалуйста, не распространяйте ее, чтобы шуму не было. Я ее переделал и представил опять в цензуру; благодаря тому, что у нас цензор теперь другой (им стал Ф. И. Рахманинов. — *Н. Г.*), она пропущена. Впрочем, вторая половина получила совсем другой характер, немножко напоминающий начало Вашего обозрения. Что делать...» (Там же. С. 409). Тот факт, что первоначальная редакция статьи Добролюбова до нас не дошла, не вызывал сомнения у комментаторов Полного собрания сочинений Чернышевского (см.: *Чернышевский*. Т. 1. С. 813, примеч. 3). Очевидно, Некрасову удалось уговорить Добролюбова смягчить ряд положений статьи, чем последний, разумеется, был недоволен. Из сказанного следует, что новому цензору была представлена новая редакция статьи. Вполне вероятно, что, отослав рукопись в Москву и не получив ее обратно, Добролюбов записал вторую редакцию, о чем он прямо пишет в приведенном письме к Славутинскому. Очевидно, была набрана и новая корректура. Что касается сходства второй половины статьи с «обозрением» Славутинского, то о нем Добролюбов писал в том же письме: «И вдруг Вы начинаете гладить современное общество по головке, оправдывать его переходным временем (да ведь других времен, кроме переходных, и не бывает, если уж на то пошло), видеть в нем какое-то сознательное и твердое следование к какой-то цели!.. <...> Я привык находить в Вас строгий и печально-недоверчивый взгляд на всякого рода надежды

положить, что изменения, внесенные во вторую редакцию статьи, менее всего касались оценки романа Тургенева.

Впрочем, нет сомнений, что ряд прямых и косвенных выпадов против Тургенева в публикациях Добролюбова, как в «Современнике», так и особенно в прилагавшемся к нему «Свистке»,⁵⁹ не оставался незамеченным писателем и побудил его ошибочно считать именно Добролюбова автором неподписанной статьи о Готорне. Но все эти выпады никогда не переходили определенных границ и не давали никаких оснований Тургеневу «ненавидеть» молодого, талантливого критика, оставаясь фактами литературно-общественной полемики.

Следует отметить, что Тургенев тоже не оставался в долгу. Так, в конце 1859 года в журнале «Искра» была опубликована без подписи пародия «Шестилетний обличитель», принадлежность которой Тургеневу обосновал в свое время Г. Ф. Перминов.⁶⁰ Действительно, в герое пародии Иеремии Недобобове можно было легко узнать Добролюбова.

и обещания. А тут у Вас такой розовый колорит всему придан, таким блаженством неведения все дышит, точно будто бы Вы в самом деле верите, что в пять лет <...> с нами чудо случилось, что мы поднялись, точно сказочный Илья Муромец... Точно будто в самом деле верите Вы, что мужикам лучше жить будет, как только редакционная комиссия кончит свои занятия <...>» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 407–408). Предлагаемая заменить это «розовое» начало обзора предисловием от редакции, Добролюбов утверждал: «У нас другая задача, другая идея. Мы знаем (и Вы тоже), что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, какая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом. <...> надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи <...>» (Там же. С. 408).

⁵⁹ Далеко не все выпады против Тургенева в «Свистке» учтены в современных исследованиях. См., например: *Генералова Н. П.* Об одной публикации Добролюбова и Некрасова в «Свистке» // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. 9 / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. С. 131–135.

⁶⁰ *Перминов Г. Ф.* Тургенев о Н. А. Добролюбова: Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // *Т Сб.* Вып. 3. С. 106–118. Атрибуция была проведена на основе воспоминаний известного впоследствии ориенталиста и путешественника, а в 1860-е гг. сотрудника «Современника» и знакомого Добролюбова П. И. Пашино, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1881) и в газете «Минута» (1882). Аргументы в пользу авторства Тургенева были сочтены вполне достаточными, чтобы включить это произведение в *ПССиП(2)*: *Соч.* Т. 12. С. 310–313. Авторство Тургенева было также признано И. Г. Ямпольским в книге «Сатирическая журналистика 1860-х годов» (М., 1964. С. 113–114).

Написанная от лица отца шестилетнего героя, «отставного учителя российской словесности» Платона Недобובה в форме письма, пародия высмеивала раннюю приверженность мальчика к обличительству, обыгрывая таким образом нетерпимость Добролюбова к обличительной литературе. В качестве примера творческих успехов малыша отцом были приложены к письму несколько его стихотворений, в которых Тургенев, известный мастер злых и остроумных эпиграмм, едко высмеивал отдельные характерные приемы Добролюбова-критика. И все же переводить эпизоды общественно-литературной борьбы в область личных приязней и неприязней, как это выглядит в воспоминаниях Чернышевского, нет никаких оснований, как нет никаких оснований не доверять искренности писателя, признавшегося в уважении к молодому критику в статье «По поводу „Отцов и детей“». Нет оснований не доверять и Добролюбову, писавшему 12 (24) июня 1861 года Чернышевскому из Мессины, что по возвращении в Петербург он будет вновь «потешаться» над Кавелиным и Тургеневым, которых «душевно» любит.⁶¹

Однако самым убедительным доказательством неправоты Чернышевского в оценке отношений писателя к Добролюбову стал следующий после «Накануне» роман писателя «Отцы и дети», главный герой которого Базаров оказался, вопреки всяческим интерпретациям, одной из самых больших удач Тургенева-художника. Опровергая обвинения в том, что он писал «памфлет» на Добролюбова, Тургенев несколько не кривил душой.⁶² Правда состояла в том, что личность молодого талантливого критика действительно послужила одним из прототипов нового героя, на что имеется прямое указание самого писателя, отметившего в «формулярном списке» Евгения Базарова: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского».⁶³

⁶¹ *Добролюбов*. Т. 9. С. 473. Это письмо к Чернышевскому любопытно тем, что свидетельствует о колебаниях Добролюбова по поводу возвращения в Россию и о желании «отказаться от будущих великих подвигов на поприще российской словесности», ограничив свое участие в «Современнике» несколькими статьями в год ради заработка, «пока не выучусь другому ремеслу» (Там же. С. 474). Вскоре Добролюбов отказался от мысли жить «скромной жизнью в семейном уединении в одном из уголков Италии» и вернулся в Россию.

⁶² Недаром, отвечая на письмо А. Ф. Писемского, Тургенев писал 27 декабря 1869 г. (8 января 1870 г.): «Уж как ругают меня за статейку по поводу „Отцов и детей“! Беда! Даже Анненков вознегодовал. Вы одни взглянули прямо, сказавши, что „верно так оно на деле произошло“. Могу вас уверить, что каждое слово в этой статейке — *непреложная истина* <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 116).

⁶³ *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 566. Подготовительные материалы к роману, хранившиеся в частном архиве, стали известны спустя много десятилетий после того,

Возвращаясь к «забытой» впоследствии Чернышевским статье о Н. Готорне, необходимо уточнить, кого же все-таки подразумевал автор под богатыми «литературными советниками» Тургенева, ради которых «апофеоз» Рудина обернулся «пасквилем». Думается, что ключевыми в негодующей инвективе Чернышевского являются слова «упрочивать свое состояние» и «наследство». Вряд ли это были Боткин, Анненков или Некрасов, с которыми в 1860 году Чернышевский активно общался, как это видно, в частности, из его воспоминаний, хотя В. П. Боткин действительно вошел в права наследства после смерти отца в 1853 году. Однако если учесть, что именно в это время развернулся завершающий этап так называемого «огаревского дела», в котором Тургенев, поддержавший «лондонских пропагандистов» (А. Я. Панаева даже считала, что именно он подбил Огарева вернуться к нему⁶⁴), и Чернышевский оказались на противоположных сторонах,⁶⁵ то не покажется неожиданным

как отшумели споры о том, кто же такой Базаров. Они были обнародованы впервые английским тургеноведом П. Уоддингтоном лишь в 1984 г. Любопытно, что в том же «формулярном списке» отмечено: «...Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного — работящ. <...> Художественного элемента не имеет и не признает. <...> В сущности — бесплоднейший субъект — антипод Рудина — ибо безо всякого энтузиазма и веры. <...> Независимая душа — и гордец первой руки» (Там же). Этот документ помечен августом 1860 г., с местом написания: Вентнор (на о. Уайте), как и писал Тургенев в статье «По поводу „Отцов и детей“». Сопоставление с Рудиным возникло в опровержение мнения кого-то из друзей писателя, кому он рассказал план будущего романа (см. об этом в указанной статье Тургенева). Что касается двух других лиц, послуживших прототипами образа Базарова, то один из них — литератор и врач И. В. Павлов — хорошо известен исследователям (см. примеч. А. И. Батюто: Там же. С. 719–720). По поводу личности упомянутого Тургеневым Преображенского до сих пор исследователи не пришли к единому мнению (см.: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 329–340).

⁶⁴ См.: *Панаева (1972)*. С. 284, 449.

⁶⁵ Описывая ход этого дела, Анненков писал Тургеневу 29 декабря 1860 г. (10 января 1861 г.): «Авдотья (Панаева. — *Н. Г.*) точно отдала имение (старое огаревское) и приплатила денег точно; за ней осталось только десятилетнее пользование чужим добром, но русский человек за этим не гонится. Хорошо, что всего не проглотила непотребная ее утроба. Милее всего, что Чернышевский, когда она отдавала назад кусок за куском из похищенного брашна — подбирал их, приносил на рассмотрение Сатину, старался подменить их еще ложными бумажными фигурками и проч. Он очень много должен деньгами Некрасову (7000 р., по словам последнего), но на такую службу никто не считал его способным, однако ж видно, в обширном сердце его есть всему место. О, погляди-ка на нас ты — лучезарный моралист земли нашей — Белинский! Однако, гадко» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 95).

ным предположение, что именно Герцена и Огарева имел в виду Чернышевский, говоря о богатых литературных советниках Тургенева, склонивших его к порицанию Бакунина, который нередко пользовался финансовой поддержкой своих состоятельных друзей. Отношения же с лондонскими политическими эмигрантами действительно достигли к этому времени пика напряжения.

Напомним, что после открытого и резкого выступления Герцена в «Колоколе» против «Современника» в статье «Very dangerous!!!» (Л. 44 от 1 июня 1859 г.) редакция журнала приняла решение послать кого-то в Лондон для выяснения отношений. Посланцем от «Современника» оказался Чернышевский, который провел в Лондоне несколько дней и имел несколько бесед с Герценом.⁶⁶ Однако встреча не была слишком продуктивной, непонимание между двумя поколениями революционеров сохранялось. И Герцен и Чернышевский остались недовольны результатами встречи. Свидетельством тому стала вторая статья Герцена, направленная против редакции «Современника» — «Лишние люди и желчевики», опубликованная 3 (15) октября 1860 года в «Колоколе» (Л. 83).⁶⁷

В своих воспоминаниях Чернышевский, пытаясь определить причины разрыва Тургенева с Некрасовым, главную роль отводил Герцену: «Авторитет Герцена был тогда всемогущ над мнением массы людей с обыкновенными либеральными тенденциями, т. е. тенденциями смутными и шаткими. Тургенев ничем не выделялся в своем образе мыслей из толпы людей благонамеренных, но не имеющих силы ни ходить, ни стоять на своих ногах, вечно нуждающихся в поддержке и руковод-

⁶⁶ Наиболее полно и объективно этот эпизод литературно-общественной борьбы 50-х гг. изложен, на наш взгляд, в статье Б. П. Козьмина «Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом» (*Козьмин Б. Литература и история / Вступит. ст. и примеч. Э. С. Виленской. 2-е изд. М., 1982. С. 38–73*).

⁶⁷ Наряду с выпадами против Добролюбова и Чернышевского в статье содержался резкий выпад против Н. А. Некрасова, которого Герцен обвинил в неискренности и присвоении чужих денег: «Мы не привыкли к тому, что можно лгать духом и торговать талантом так, как продажные женщины лгут телом и продают красоту, мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страданье, ни к промышленникам, делающим из сочувствия к пролетарию оброчную статью. <...> Поверьте, что гонитель неправды, сзывающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих, при теперешнем брожении всех понятий, при нашей распушенности и удобовпечатлительности вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей, желчевых и слезливых!» (*Герцен. Т. 14. С. 327*).

стве. Конечно, ему трудно было оставаться другом человека (Некрасова. — *Н. Г.*), которого чернит руководитель массы, к которой принадлежал он. <...> разумеется, слишком долго не мог он выдерживать давления авторитета Герцена. И кончилось тем, что он поддался Герцену».⁶⁸ Излишне говорить, насколько несправедливо это утверждение. Не пройдет и двух лет, как Тургенев вполне определится в своих отношениях с главным «лондонским пропагандистом», а в начале 1863 года, давая ответы на допросные пункты Сенатской комиссии в связи с «делом 32-х» («дело о сношениях с лондонскими пропагандистами»), чистосердечно признается, что чем более Герцен увлекался пропагандой, тем более он «становился ему <...> чуждым».⁶⁹

Возвращаясь к началу нашей статьи, обратим внимание на одно различие, которое обнаруживается в статье М. О. Габель «Творческая история романа „Рудин“» и в ее же комментариях к роману в пятом томе первого академического издания Тургенева, на которые она не раз ссылается в своей статье в «Литературном наследстве». Рассматривая в специальной подглавке («Чернышевский и Тургенев в 1860 г.») отношение Чернышевского ко второму эпилогу романа,⁷⁰ где герой погибает на парижских баррикадах, исследовательница ставит вопрос, мог ли Чернышевский при написании статьи о Готорне знать о характере второго эпилога. Приведа письмо Тургенева к Герцену от 2 (14) июня 1860 года, в котором писатель просил прислать ему журнальные тексты «Поездки в Полесье» и «Аси» в связи с подготовкой собрания сочинений в издании Основского, М. О. Габель высказывает гипотезу, что текст «Рудина» был просмотрен Чернышевским ранее.⁷¹ Это предположение неверно, поскольку сохранившиеся письма к Тургеневу Н. А. Основского свидетельствуют о том, что работа над «Рудиным» велась значительно позже.

Отвечая на несохранившееся письмо Тургенева, 22 августа (3 сентября) 1860 года Основский писал: «Все исправления, дорогой Иван Сергеевич, я получил, и все будет исправлено. В первом томе и будут заключаться „Записки охотника“ с прибавлением: „Поездки в Полесье“

⁶⁸ *Чернышевский*. Т. 1. С. 734.

⁶⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 311.

⁷⁰ Напомним, что первый эпилог романа (встреча постаревшего Рудина с Лежневым в гостинице губернского города), напоминающий по объему скорее дописанную главу, тоже, судя по всему, появился при доработке романа после обсуждения его в кругу литературных друзей (Боткина, Некрасова, Анненкова, Дружинина и др.) (см.: Там же. С. 471).

⁷¹ *Габель М. О.* Творческая история романа «Рудин». С. 61.

и „О соловьях“». И тут же замечал: «Надеюсь, что и конец к „Рудину“ проскочит».⁷² Таким образом, можно сделать вывод, что второй эпилог к роману был написан к середине августа.

Свое ошибочное заключение о времени написания второго эпилога «Рудина» М. О. Габель сделала, опираясь еще на одно неверное допущение. Из воспоминаний Чернышевского стало известно, что Тургенев просил его через И. И. Панаева не откликаться печатно на дописанный эпилог к «Рудину». Вот что писал Чернышевский: «Не умею определить теперь, через сколько времени после того, как он был в первый раз напечатан, Тургенев издал собрание своих сочинений. Панаев, отдавая мне экземпляр этого издания, передал мне желание Тургенева, что если я буду писать что-нибудь об этом издании, то чтоб я не упоминал о прибавлении, которое он сделал к „Рудину“: роман теперь кончается тем, что Рудин участвует в одном из парижских народных восстаний (Панаев, разумеется, называл, в каком именно, но я теперь не умею припомнить в каком: в июньском ли междоусобии, или в февральской революции), сражается геройски и умирает славною смертью бойца за свободу. Если журналы выставляют на вид этот эпилог, все издание может подвергнуться запрещению и потому не надобно говорить о нем. Желание Тургенева, если только следует называть это желанием, а не заявлением справедливого авторского требования, которому честные люди обязаны повиноваться по внушению совести, конечно, было принято мной с полным одобрением; но так как из этого вышло, что мне, обязанному не писать об эпилоге, нет и надобности прочесть его, то я и оставил его не прочтенным; потому не знаю, хорош ли он в художественном отношении и

⁷² ИРЛИ. Ф. 7. № 149. Л. 1–1 об. О том, что в момент написания письма издатель уже имел в руках доработанный текст романа, свидетельствует следующая фраза: «Кстати о „Рудине“». Одно место меня ввело в сумнение, именно: на странице 264 напечатано: „Худо то, что он не честен. Ведь он умный человек: он должен же знать цену слов своих, — а произносит их так, как будто они ему *что-нибудь стоят*“. Именно подчеркнутые слова меня ввели в сумнение» (Там же. Л. 1 об.). Прочитанные Основским слова Лежнева о Рудине из главы VI остались без изменений. По-видимому, в одном из не дошедших до нас писем Тургенева к Основскому было сделано указание пустить 4-й том перед 2-м и 3-м, поэтому речь в письме Основского идет только о 1-м и 4-м томах. В письме от 21 октября (2 ноября) Основский, думая, что Тургенев не получил двух его предыдущих писем, повторяет новости о первом томе, «давно» отпечатанном, о четвертом томе он уже сообщает: «4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня» (Там же. Л. 5). К этому времени цензурное разрешение на тома уже получено, то есть второй эпилог «Рудина» «проскочил».

может ли выгодный для репутации Рудина конец заставить простить ему те слабости или дурные качества, которые в целом длинном романе навязывал ему автор. Но важен ли сам по себе или маловажен этот эпилог, он заслуживает большого внимания, как факт, доказывающий стремление Тургенева заглазить сделанную ошибку, когда достало у него характера и умения».⁷³

Можно предположить, что просьба Тургенева была передана Панаевым (к сожалению, никакими дополнительными документальными свидетельствами этот факт не подтверждается) либо в октябре 1860 года, когда вышел в свет четвертый том собрания Основского, либо в феврале 1861 года, когда вышел последний (второй по нумерации) том издания. Важнее другое. Вопреки утверждению М. О. Габель, что «просьбу к Чернышевскому не откликаться на новый эпилог Тургенев мог передать через Панаева только во время своего пребывания в Петербурге — с 9/21 февраля по 24 апреля / 6 мая»⁷⁴ 1860 года, Чернышевский, когда писал свою рецензию на книгу Готорна, не мог знать ни о том, что второй эпилог к роману будет написан, ни тем более его содержание. Написанный же эпилог он справедливо воспринял как «ответ» писателя на упреки, прозвучавшие в этой статье. Именно таким образом трактуется второй эпилог в комментариях к роману в первом и втором академических изданиях Тургенева.⁷⁵ Однако с полной уверенностью утвер-

⁷³ *Чернышевский*. Т. 1. С. 740. В комментариях к этому фрагменту воспоминаний допущена существенная ошибка. Здесь читаем: «Эпилог, в котором рассказывается о смерти Рудина на парижских баррикадах <...> был добавлен Тургеневым лишь при переиздании „Рудина“ в составе III тома „Повестей и рассказов“ Тургенева, изданных в 1856 г. Вопреки сообщению Чернышевского, эпилог к „Рудину“ был ему известен; мало этого, несмотря на просьбу Тургенева, <...> он упомянул об этом эпилоге в печати. Говоря о кружке западников 40-х годов, Чернышевский в 5-й главе „Очерков гоголевского периода“ писал: „И кто хочет перенестись на несколько минут в их благородное общество, пусть прочтает в «Рудине» рассказ Лежнева о временах его молодости и удивительный эпилог повести г. Тургенева“» (Там же. С. 814, примеч. 14). В свете приведенных данных нет никаких сомнений, что Чернышевский говорил о первом эпилоге к роману.

⁷⁴ *Габель М. О.* Творческая история романа «Рудин». С. 61.

⁷⁵ См.: *ПССиП(1)*. Соч. Т. 6. С. 570; *ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 484. Указанное различие в статье М. О. Габель из «Литературного наследства» и в ее же комментариях к роману в *ПССиП* так бы и осталось загадкой, если бы не сохранившиеся протоколы заседаний и материалы Тургеневской группы, готовившей первое академическое издание Тургенева, на которые мне любезно указала В. А. Лукина, работавшая с ними в рамках подготовки второго академического издания Тургенева. Оказалось, что большая статья М. О. Габель «Творческая история романа „Рудин“»

ждать, что, дописывая «революционный» эпилог к роману в 1860 году, писатель имел в виду статьи Чернышевского и Добролюбова, а не действовал по внутреннему художественному убеждению, мы, конечно, не можем.

Объективно Тургенев оказался между двух огней. С одной стороны — Герцен и Огарев, с которыми связывали общность убеждений и многолетние дружба и сотрудничество,⁷⁶ с другой — Некрасов и «Современник», с которыми также были старые и налаженные связи. Резкое «полевение» журнала с приходом в него Чернышевского, затем и Добролюбова не могло не беспокоить писателя, видевшего, что «Современник» все более становится не столько литературной, сколько политической силой. При всех симпатиях и антипатиях Тургенев был и оставался прежде всего художником, о чем неоднократно заявлял публично и в чем, разумеется, был глубоко убежден сам. Однако, будучи живописцем «быстро изменявшейся физиономии русских людей культурного слоя», как он сам выразился в Предисловии к романам, написанном в августе 1879 года,⁷⁷ он понимал, что так или иначе его произведения должны были становиться предметом заинтересованного обсуждения. Отсюда нередкие попытки напрямую «объясниться» с читателями и критиками. Характерно, что в упомянутом Предисловии Тургенев, припоминая критические выступления по поводу его романов, в частности о «Накануне», прямо назвал статью Добролюбова «самою выдающеюся».⁷⁸

Отвергая в очередной раз упреки в тенденциозности, отстаивая право художника на собственное видение, Тургенев формулирует свое творческое credo: «Поверьте: талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его

была написана для «Литературного наследства» раньше, чем подготовленные ею комментарии к роману для *ПССиП(1)*, однако опубликована позже (в 1967 г.). Шестой том с романом «Рудин» вышел в свет в 1962 г. и был значительно доработан по замечаниям рецензентов (Е. А. Гитлиц, А. П. Могиланского) и прежде всего редактора тома Н. В. Измайлова, о чем свидетельствуют его письма к М. О. Габель, хранящиеся в ИРЛИ. Учтя публикацию статьи Габель из «Литературного наследства» во втором академическом издании Тургенева (*ПССиП(2)*). *Соч.* Т. 5. С. 473, 482, 485), редакторы тома (Н. В. Измайлов и Е. И. Кийко) не указали на ошибку, вкравшуюся в ее статью.

⁷⁶ См., например, не потерявшую значения статью С. А. Рейсера «Тургенев — сотрудник „Колокола“»: И. С. Тургенев: Материалы и исследования / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940. С. 136–147.

⁷⁷ *ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 9. С. 390.

⁷⁸ Там же. С. 391.

жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным отражением*; но он так же мало способен написать панегирик, как и пасквиль... В конце концов — это ниже его. Подчиниться заданной теме или проводить программу могут только те, которые другого, лучшего не умеют».⁷⁹

⁷⁹ Там же. С. 396.